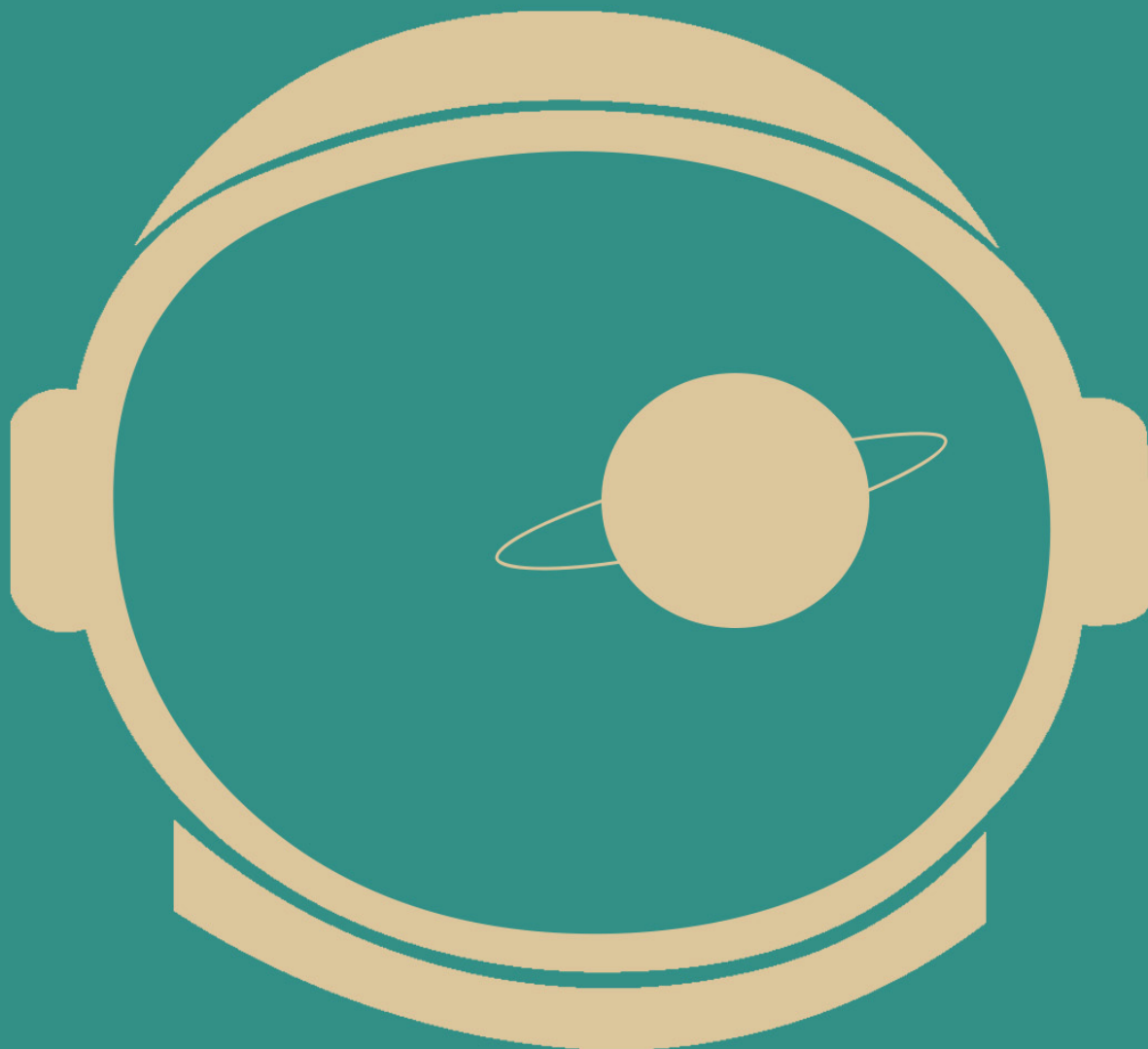

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

СУККУБА

Евгений Щепетнов

Суккуба

«Автор»

Щепетнов Е. В.

Суккуба / Е. В. Щепетнов — «Автор»,

Девушка из провинциального городка приезжает на «завоевание» Москвы. Перипетии судьбы заставляют ее бежать и прятаться от недоброжелателей, и в поиске работы она попадает в некую «Корпорацию», где ей предлагают то, на что она никогда бы не согласилась, имея хорошую работу и счастливую жизнь. В результате она оказывается там, где и не мечтала побывать, и получает такие головокружительные приключения, о которых можно только фантазировать.

© Щепетнов Е. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Щепетнов

Суккуба

Глава 1

Таня не особенно-то и разбиралась в ценах на барахло. Там, откуда она приехала, совсем другое понимание того, какую одежду нужно носить, и сколько за нее платить. Красноармейск – это тебе не Москва! Это здесь гнушаются зарплаты меньше сорока штук, а в Красноармейске человек, получающий сорок тысяч – настоящий богач!

Впрочем, здесь и цены другие – например, на жилье. Двадцать тысяч в месяц стоит самая, что ни на есть захудалая квартирка на окраине Москвы, в пятнадцати минутах езды до станции метро.

О...метро! Когда Таня впервые спустилась в это подземелье, пахнущее электричеством, металлом и дыханием тысяч людей, ее душой овладел восторг – вот она, Первопрестольная! Вот она, Страна Огромных Возможностей, в которой умненькие девочки из провинции обязательно найдут интересную, высокооплачиваемую работу где-нибудь в офисе крупной корпорации! Ведь в этой девочке сразу же разглядят умненькую, порядочную работницу, на которую можно положиться! Установят ей оклад – поначалу тысяч пятьдесят, а потом...потом – много, очень много! А когда в нее влюбится сын олигарха (а он обязательно влюбится, как же может быть по-другому?!), начнется красивая любовь, не без интриг всяких злодеек, желающих лишить девочку этой самой любви, но все закончится замечательно – красивая свадьба, красивая жизнь, любящий муж...дети! Да! У нее будет не менее трех детей! Два мальчика, и девочка – с которой она потом, когда Машенька подрастет, будет делиться сокровенным – о жизни, о своей нелегкой судьбе!

Счастье! Тихое счастье! На яхте, и в своей вилле...

Нет, Таня не была малолетней дурой. Девятнадцать лет – это совсем не малолетка. Да и дура – это нечто другое. Дуры ложатся под первого встречного, залетают, делают аборт, чтобы потом никогда больше не иметь детей, либо выскакивают замуж за местного «пацана», который и лишил ее девственности на куче грязной соломы в сарае на задворках дома дяди Васи.

Таня до сих пор была девственницей, и это совсем не типично для провинциального городка, в котором только и развлечений, что потусоваться с пацанами у магазина, либо на дискотеке, а после тусовки позволить пацану, с которым «ходишь» пошарить у тебя в лифчике и в трусиках. Ну и через пару месяцев «хождения» позволить ему гораздо больше.

Не сказать, чтобы Таня совсем уж святая – организм просит! Время идет! Девчонка, у которой нет парня – это что-то вроде прокаженной. Поглядывают подозрительно, мол – чего это с ней такое? Парнями не интересуется, книжки читает. Может она вообще и не девка? А что – сейчас много мутантов рождается от радиации, гермафродиты всякие! Вот и она! Уродка!

Впервые мужская рука попыталась проникнуть в ее «святая святых», когда Тане исполнилось четырнадцать лет. Впрочем – какая, к черту, мужская? Славке тогда было шестнадцать. Симпатичный пацан, и в авторитете у тусни, но уж больно назойливый – так достал ее предложениями о сексе, что она месяц не ходила на улицу! Ну что в самом деле за болван? Сказала – я не буду! Я девочка, останусь девочкой для мужа! А он что? «А давай в попу? А давай ты мне минет сделаешь?! Докажи свою любовь!»

Идиот! Какая, к черту любовь?! В четырнадцать лет, с шестнадцатилетним?! Это не любовь, это криминал!

«Ну, хочешь – потрогай грудь, только соски осторожнее тереби! Осторожнее, идиот! И не дергай, будто корову доишь! И палец свой грязный *туда* не суй! Да не суй же, придурок!

Ты хоть руки бы помыл! Заразу какую-нибудь занесешь! А целку порвешь – я на тебя заявлю! Отстань! Не буду я их лизать! И сосать не буду! Все! Хватит!»

Славка пыхтел, разжимая ее плотно сжатые ноги (потом синяки были!), больно щипал за «лепестки», и пытался засунуть ей палец как можно глубже, почему-то считая, что от этого она точно получит оргазм, и уж тогда – потечет, и не устоит перед таким красавцем как он, Славик.

Когда появилась на тусовке после месячного перерыва – Славик уже ходил с Веркой Кузиной, счастливой, будто Верка в лотерею выиграла не меньше миллиона. Уж она-то точно позволила Славке все и везде – сама хвастала. И распускала слухи, что Танька-де ненормальная, и у нее ТАМ все заросло, дырки-то почти и нет. Вот потому и кобенится! Пацанам не дает!

А потом был Николай Семеныч – учитель литературы и русского языка. Таня любила читать, на том они и сошлись с Николаем Семеновичем. Обсуждали книжки, оставшись в классе после занятий – Таня мечтала уехать из Красноармейска куда подальше, туда, где белый песок, яхты, и никакой тусни на заплыванном пяточке магазина «Янтарь».

Николай Семенович, который три года назад закончил педагогический институт – мечтал примерно о том же. Он был молод (ему не было и тридцати), довольно симпатичен (его не портили и строгие очки, прибавлявшие к возрасту лет пять, не меньше), так что когда он впервые поцеловал Таню – она была совсем не против.

Нет, у них тоже не дошло до настоящего секса, хотя Коля и хотел. Таня, верная своим принципам (если можно их так назвать), твердо объявила, что ее девственность предназначена будущему мужу. А в попу, или минет – она не хочет, так как не шлюха какая-нибудь подзаборная. Вот выйдет замуж – тогда и позволит мужу делать все, что он захочет!

Мама всегда говорила и говорит: *«Дочка, не продешеви! Не таскайся ты с этими придурками! Видишь, я связалась с твоим отцом, и что вышло?! Живу одна, еле-еле концы с концами сводим! Ищи выгодного жениха – ты девка симпатичная, на лицо – так вообще красавица, гони прочь этих местных придурков! Поезжай в Москву, или в Питер, я вот собиралась, собиралась – так и не собралась! Застряла в этой захолустной дыре! Так может хоть ты там счастье найдешь! В Москве-то этой чертовой!»*

Таня была согласна с матерью, хотя та слегка и привирала. Во-первых, не так уж они и бедствовали – денег хватало и на еду, и на барахло. И даже на выпивку маминым ухажем, которые менялись примерно раз в полгода. То ли мама им надоедала, то ли они маме, но иногда, придя из школы, Таня обнаруживала на кухне незнакомого (или знакомого) мужчину, сидящего за столом перед початой бутылкой водки. Само собой – рядом с мамой – довольной, раскрасневшейся, одетой в халатик, туго обтягивающий мамины полные и соблазнительные бедра.

Мама родила в семнадцать, так что ей и лет-то было всего ничего. Она до сих пор надеялась на то, что найдет настоящего, мечтающего о семье мужчину, и всеми способами пыталась удержать очередного кандидата на свою руку и сердце – что частенько очень даже мешало Тане. Попробуй-ка, поспи, когда на весь дом стоны, вздохи, и ритмичное поскрипывание кровати.

С некоторых пор Таня начала подозревать, что мама нарочно нацеливает ее отправиться подальше из родного дома, по одной простой причине – чтобы взрослая дочь не мешала протекать бурной, очень бурной личной жизни. Особенно Танино подозрение укрепились тогда, когда очередной мамин ухажер Васька Климов, младше мамы лет на пять, по пьянке вломился в баню, где мылась Таня, с явной целью осчастливить своей сексуальной мощью не только хозяйку дома, но и ее молоденькую, соблазнительную дочь.

Таня умеет очень, очень громко визжать! И гнусный Васька был с позором изгнан – и не только из бани, но и из дома. Мама может быть очень убедительной, особенно если держит в руке банный ковшик на длинной рукояти, служащий для плескания воды на раскаленные камни печурки.

Вот тогда мама видать и начала поглядывать на Таню, как на конкурентку. Они с Таней очень похожи, только Танина мама, Зоя Семеновна Шадрина стала чуть поплотнее, чем тогда, когда была в Танином возрасте. Совсем немного. А так, если в полумраке поставить рядом Таню и маму – не особо и отличишь, если не приглядываться, и если перед этим выпил грамм двести. Небольшая грудь, круглые бедра – ноги толстоваты в щиколотках, но кто тут смотрит на такие несущественные мелочи? Хорошая, гладкая кожа – у Тани по причине ее невинной юности, у Таниной мамы – из-за кремов, которые Зоя совершенно на себя не жалела.

Ежевечерне (если не была на дежурстве в круглосуточном продуктовом магазине) Зоя втирала в кожу все эти чудодейственные средства, разрекламированные на экране телевизора, и то ли средства правда помогали, то ли хорошая наследственность, но кожа женщины если и не была цветущей и нежной, как у юной дочери, то вполне могла служить примером того, как женщина должна ухаживать за своим телом на четвертом десятке ее бурной жизни.

Надо отдать должное Зое – она была очень чистоплотна, к тому же приучила и свою дочь. От Тани никогда не пахло жареным луком и селедкой, а лобок ее, с тех пор, как на нем появились первые волоски, был всегда чисто выбрит и вообще – чист, как лист хорошей мелованной бумаги. Хоть поэмы пиши о любви и страсти. Учитель, когда укладывал Таню на стол в своем школьном кабинете, всегда говорил, что она самая чистая девушка, которую он видел за свою достаточно долгую жизнь. И что более вкусной киски, чем у нее, никогда не пробовал, и скорее всего – не попробует.

Таня позволила ему максимально возможно-допустимое, чего не позволяла никому из пацанов. Впрочем, они бы *это* скорее всего никогда бы и не сделали.

«Западло!» «Настоящий козырный пацан не лижет бабе!»

Он должен только хватать ее грязными лапами, которыми только что ковырялся в носу и вытирал зеленую соплю! – ехидно думала Таня – Колхозники!

Учитель был совсем другим. Интеллигентный, осторожный – впервые он коснулся своим горячим языком ее «лепестков» после третьей их встречи, когда они в очередной раз долго целовались взад-вперед, когда он аккуратно вылизал ее тугие, напрягшиеся насквозь большие коричневые соски (Такие же были у мамы – ее гордость! Мужики любят большие красивые соски! – не раз говаривала мама, поглаживая крепкую, почти девичью грудь).

Прежде чем вылизать Тане ее «сокровище», и все вокруг – начиная с лобка, и заканчивая попкой (он был настоящий мастер этого дела! Таня убедилась в этом, когда смотрела порно – иногда вместе с Николаем) – учитель достал откуда-то початую бутылку с иностранной надписью, отхлебнул, прополоскал рот и выплюнул спиртное в раковину для умывания – чем очень даже удивил Таню. Мужчина, который выплевывает спиртное, вместо того, чтобы нормально его проглотить – это на самом деле уникальный человек! По крайней мере – здесь, в Красноармейске. Может и были тут еще такие парни, как учитель литературы, но Таня точно их никогда не встречала. И скорее всего – никогда не встретит.

Коля пояснил, что это нужно для того, чтобы не занести ее в «киску» какую-нибудь заразу. Какую именно – не пояснил. А Таня не спросила.

Ей было совсем не до того. Лежа на спине с широко разведенными в стороны коленями она внимательно смотрела на макушку учителя, на которой уже начинала образовываться небольшая «тонзура», как у католических священников, чувствовала, как шершавый горячий язык аккуратно исследует самые сокровенные уголки ее тела, проникая внутрь, и снова возвращаясь к набухшим от прилива крови лепесткам, и думала о том, как все-таки отличается уровень культуры человека с высшим образованием, от уровня местных парубков, для которых женщина все-таки не совсем человек. Всего лишь – низшее существо, предназначенное лишь для удовлетворения мужской похоти, не более того.

Тогда же Таня испытала свой первый оргазм. Ну да, она слышала, как это все здорово, какие ощущения испытывают девушки во время оргазма, читала об этом в книгах и видела

порно, где красотки изображали оргазм, заунывно и тупо постанывая так, что хотелось их побить за плохую игру, и лучше всего – граблями. Чем на самом деле является оргазм – Таня до сих пор не могла себе и представить. Ее трясло, колотило, она изгибалась, задирая ноги к потолку, вдавливая в промежность лицо учителя, выпачканное чем-то белым, похожим на густые сливки. Схватив Николая за голову, она терлась о его лицо киской, выла, как взбесившаяся волчица. Танина матка бешено, толчками, судорожно сокращалась, как и положено порядочной здоровой матке, готовой к оплодотворению. А потом Таня потеряла сознание. К ужасу учителя литературы.

Иногда она думала – вот, на самом деле, а что было бы, если бы она, девчонка шестнадцати лет, скончалась на столе учителя – голая, с раздвинутыми в стороны ногами, залитая своей смазкой и слюной любовника? По какой статье бы его судили?

Вообще-то, если разобраться, Таня так и осталась девственницей – что тут же и проверила, очнувшись после недолгого обморока.

Умерла, зализанная до смерти? *«Развратные действия привели к смерти потерпевшей»?* Смешно, на самом деле. Для нее. А для учителя – не очень. Работы бы он лишился точно, а потом, скорее всего, сел бы в тюрьму. Где очень не любят совратителей несовершеннолетних. Даже если они и не лишили девственности этих самых несовершеннолетних. Механически – не лишили.

Является ли вылизывание киски и попки лишением девственности? Под какую статью пошел бы учитель, если бы их застали «на горяченьком»? Таня настолько заинтересовалась вопросом, что даже в интернете почтала на эту тему. Но ничего дельного так и не нашла. Хотя и старалась. Очень старалась. Интересно же!

Кстати сказать, после того, как учитель научил ее, что такое оргазм, Таня начала время от времени удовлетворять себя и сама. Что кстати очень ей неплохо пригодились. Поласкаешь себя, сбросишь напряжение, кончишь – и сразу становится легче. И не нужно бросаться в объятия к первому встречному провинциальному обалдую, чтобы утихомирить зов плоти. Таня во время «сеансов» не раз думала о том, что если бы знакомые девки умели как следует удовлетворить себя пальцем, или специальными приспособлениями – дурацких залетов было бы гораздо меньше. Как и аборт, и всего, что следует за этим – болезни, бездетность, разрушенные судьбы. Да, уж лучше терзать киску пальчиком, чем совать в нее грязные члены полупьяных и в хлам пьяных любовников! Впрочем, наверное – это кому как.

Учитель же научил ее удовлетворять мужчину руками. Тане это дело даже понравилось – управлять мужской страстью, держа в руках пульсирующий, перевитый венами горячий член – в этом есть что-то такое, что напоминает управление мощным автомобилем. По крайней мере, так говорил учитель, отличавшийся хорошим литературным слогом.

Таня никогда не управляла мощным автомобилем, только надеялась когда-нибудь управлять, но то, что страстью мужчины можно управлять – это она уже хорошо знала, спасибо умелому Коле. Когда впервые капли липкой, белой жидкости брызнули Тане на лобок, она не испытала отвращения, не испугалась. Ей было приятно! Вот перед ней стоит взрослый красивый мужчина, замуж за которого согласилась бы выйти любая из местных записных «красоток» (Не пьет, не курит, культурный – учитель! Неплохо зарабатывает!). Он закатил глаза, содрогаясь в оргазме, и весь теперь в ее, в Таниной власти, в ее умелых, ласковых руках!

Тогда же Таня внезапно сделала вывод – мужчина совсем не пуп Земли. Слабое, подверженное воздействию страстей существо, готовое ради сомнительного удовольствия выбросить на пухлый животик своей ученицы очередную порцию густой, застоявшейся спермы, не задумываясь, чем это все может закончиться. Не задумываясь, что может потерять все – начиная с работы, и заканчивая самой своей жизнью.

А может учитель и задумывался. Скорее всего – задумывался! Однако – упорно, при первой же возможности уединялся с Таней в своем кабинете, и лизал, гладил, дергался в сладких судорогах, заливая молоденькую подружку горячим, и очень даже невкусным семенем.

Ну да, разок она попробовала на вкус – после долгих уговоров Коли. Просто слизала скользкий комочек, не испытав при этом ни брезгливости, ни особого возбуждения. Горчило, солоновато, по вкусу почему-то отдаленно напомнило грибы. Ничего эдакого возбуждающего в сперме не было – кроме ее вида, да и то, когда та была накапана на красивый Танин лобок. Он был красив, Танин лобок, и глядя на него она возбуждалась, представляя, как по складкам гуляет чей-то красный язык. Или два языка. Или три! Главное – начать фантазировать, а еще – хорошенько смочить слюной, или намазать кремом указательный мальчик правой руки.

В общем – минет любовнику она делать так и не согласилась, вылизывать Колину сперму – тоже, но удовлетворять руками своего «почти любовника» не перестала, наоборот, как только они оставались одни, тут же норовила спустить с него штаны и вцепиться в гениталии, вид и даже запах которых ей очень нравился. Она даже заставила Колю побрить лобок – безволосыми Колины причиндалы выглядели гораздо крупнее и соблазнительнее.

Их связь продолжалась до самого окончания школы. Даже когда по школе поплыли слухи о нестандартных отношениях учителя и ученицы они все равно продолжали оставаться после занятий, по полтора-два часа ублажая друг друга, и этот «наполовину секс» стал для них чем-то вроде наркотика. Возможно, что наслаждение от него было таким острым еще и потому, что связь была запретной и криминальной. «Запретный плод сладок!» – это сказано давно, и не зря.

Таню тогда вызвала директриса, и пристально глядя в глаза долго пыталась на предмет соитий с похотливым учителем, на что Таня довольно-таки искусно расплакалась, изобразив глубокое отчаяние и обиду, а еще – потребовала, чтобы ее, Таню, проверили в медпункте на предмет наличия девственной плевы. И что если окажется, что Таня до сих пор является девственницей, то она пожалуется маме, и та подаст заявление в Министерство Образования, или вообще – в прокуратуру! Потому что Таня хочет покончить с собой из-за гнусностей, которые распространили про нее, и про ее учителя мерзкие пошлые бездарности! Поддержанные руководством школы! А она с учителем всего лишь готовится к поступлению на литературный факультет института, и лучше московского! Будет детей учить! И все, кто распространяет про нее эти гадости – негодяи!

Директриса, конечно, тут же пошла на попятную – на кой черт ей такие проблемы? Скандал? На самом деле – если девчонка девственница – какие могут быть обвинения в растлении? Доказать проблематично, следов-то нет! Только проблем наживешь.

Таню на самом деле обследовали под благовидным предлогом – устроили медосмотр для всех девочек ее класса. Смешно, но на двадцать девчонок нашлось всего две девственницы – Таня, и Райка Козырева, несчастное существо с искривленным позвоночником, короткими, толстыми ногами, плохой, пористой кожей и огромным носом, на котором сидели очки с толстыми линзами-«телескопами». Девки смеялись – две уродки, которые никому не пригодились – Танька, да Райка!

Брехня конечно. Просто, чтобы насолить. Таня не была уродкой. Красавицей писаной назвать – если только с натяжкой, но вполне себе стройняшка, и самое главное – с ангельской мордашкой, которая выглядела на пару-тройку лет младше, чем была на самом деле.

От зависти девки злопыхали. У них в шестнадцать лет вид был как у тридцатилетней бабы – истаскались, Таня же выглядела на тринадцать-четырнадцать лет, если не обращать внимания на полные грудь и бедра – чисто по мордашке. Опять же – в мать пошла. Зое за тридцать, а выглядит на двадцать с небольшим. Наследственность, однако!

Уже на выпускном едва не случилось непоправимое. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так и лишение девственности бывает только раз в жизни.

Таня вообще-то не пила спиртного – даже пива, что тоже не раз, и не два служило предметом насмешек ее «подруг», не выпускавших из рук «баллон» с «семеркой», или «девяткой». А тут – уговорили. Попробовала. И то ли вино оказалось таким крепким, то ли организм был совсем уж не тренирован, но только развезло Таню просто-таки «не по-детски». А если быть точным – вырубилась Таня, как если бы ее вдарили по голове здоровенным поленом.

Что с ней творили – неизвестно. Только нашел Таню вездесущий учитель литературы, когда Васька Мызников, заголив прыщавую задницу, лежал уже у нее между раздвинутых ног, юбка Танина была задрана выше пупка, кофточка – на шее.

Васька пыхтел, пытаясь попасть в узкую Танину дырочку, у него ничего не получалось – то ли от волнения, то ли от выпитого алкоголя – но если бы не появился учитель, Танина девственность точно приказала бы долго жить. И возможно, тогда и вся ее жизнь пошла бы по-другому.

Но в истории нет сослагательного наклонения – «что было бы, если бы». Все так, как оно есть, и значит – по-другому быть не может.

Учитель пинком скинул Ваську с голого тела Тани, не обращая внимания на пьяные выкрики и туманные угрозы, и отнес Таню в свой кабинет, где до самого утра отпаивал крепким чаем, аспирином, а между делом облизывал ее интимные места, истово, разглядывая и трогая розовые складочки и коричневые соски так, будто видел их в последний раз в жизни.

Как, впрочем, оно и вышло. Это был последний раз, когда Таня раздвигала ноги для учителя русского языка и литературы. Через два дня она попала под грузовик, управляемый пьяным водителем, угнавшим самосвал с автобазы, получила тяжелый открытый перелом бедренной кости, и долго, очень долго восстанавливала свое пошатнувшееся здоровье. Но так до конца его и не восстановила – левая нога Тани стала короче правой почти на два сантиметра.

Невелика разница, что там – какие-то два сантиметра! Но для молоденькой девушки – просто катастрофа. Вечная хромота! И шрамы. Во все бедро – шрамы! Жуткие, сине-красные рубцы от колена до паха. Мужчинам лучше не видеть... Ногу можно вытянуть аппаратом Илизарова (так сказали), но куда деть шрамы? Ну да, потом они слегка загладились, стали белозубыми, как и остальная кожа, но Таня *знала*, что они есть. А кроме того – с такими рубцами уже не позагораешь на солнце. Сразу проявятся от загара. Да и стыдно – выставять на людях свое уродство.

Плакали мечты о сыне олигарха. Улетели, развеялись миражи – острова, белый песок, голубая вода. Осталась печальная действительность – захолустный городок, безнадега, тоска и пустота.

Замуж за учителя? И это после того, как все три года связи вдалбливала, что никогда не пойдет за него замуж, и их странная связь длится до тех пор, пока она не уедет из города? Да он что-то уже и не заговаривает о женитьбе. Раньше, когда Таня почти не выходила из дома после травмы – навещал, даже приносил гостинцев. Теперь и дорогу забыл. По слухам – завелась у него новая пассия, молоденькая, как когда-то была Таня. Вот он теперь и «полирует» языком киску новой своей подружке. Зачем ему хромая девятнадцатилетняя бывшая подруга, щелочки и дырочки которой известны до последнего миллиметра? Новое – оно ведь слаще! Наверное...

Прошла зима, прошла весна. Скучно, тускло, неинтересно. Лежишь, смотришь за окно, а там... снег, грязь, и ничего более. Ни тебе пляжей с белым песком, ни тебе белого паруса в тумане моря голубом. Только улица Колхозная, да старое кладбище с покосившимися памятниками на горизонте. Пейзаж – совсем не располагающий к оптимизму.

В начале июня Таня двинулась покорять Москву. Денег дала мама, с напутствием, что больше ничего не даст – денег нет. Так что пусть цепляется Танюшка за Москву, за работу – тут ей делать нечего. И на обратную дорогу денег тоже нет. Все, что могла – дала. Теперь – сама!

Все правильно, Таня прекрасно это понимала. А все-таки резануло по душе. Значит – на бутылку для ухажера есть, а для дочери единственной – нет?

А с другой стороны – все-таки тридцать тысяч, все накопления, что у мамы были – отдала. Могла ведь сказать: «Ищи где хочешь, у меня денег нет!» – и все.

Хотя опять же – может так хотелось сплавить дочь из дома, что и за деньгами не постояла?

Лучше об этом не думать. Зачем портить настроение? Все так, как оно есть, и никак иначе.

Запах грязных носков, когда утыкаешься головой в чужие ноги, проходя по вагону. Пьяные голоса в соседнем купе – смеются, играют в карты.

Задницы девиц – то ли случайно, то ли нарочно высунутые из-под простыни.

Неповторимая атмосфера плацкартного вагона – деньги и документы в трусы, в пришитый тайный кармашек. Так, на всякий случай – остаться без денег в дороге – это не просто беда. Это катастрофа! Подальше положишь – поближе возьмешь!

Таня два раза в жизни ездила в поезде, и то – недалеко. А тут...тысяча километров! Да еще *куда* – в Москву!

Это странное ощущение – вот она, Великая Столица! Тут и люди какие-то другие, как чумные, будто их шилом в зад кольнули – бегут, вытаращив глаза, сумасшедшие на всю голову! Ну, вот на кой черт надо бежать по эскалатору?! Чтобы раньше на пять секунд оказаться на перроне метро?! Вот, оказался. И что это дало? Куда успел?

Понты. Одни понты! Москва – Понт с большой буквы!

Нигде не любят москвичей. Даже в самой Москве. Сосед, дядя Петя, к маме приходил, рассказывал – работал он на большом автобусе в Москве. В принципе, и сейчас работает, домой только на побывку ездит. Так вот – когда в пробке стоит, столько сверху видит – ум за разум заходит. Все видно – что москвичи в своих машинах делают. Им кажется, что не видно, а оно как на ладони! И на трубе играют, и в туалет ходят, и сексом занимаются. А что делать? Из машины не убежишь, или в штаны – или в коробочку!

И кстати, большинство из этих, в машинах, как раз и есть приезжие. Москвичей-то настоящих на самом деле и не осталось. Растворились в толпе «понаехавших».

И Таня давно сделала вывод – самые понтовитые, самые наглые именно те, кто каким-то чудом зацепился за столицу и тут же почувствовал себя «москвичом».

Приезжала как-то одна девчонка – родители здесь жили, а потом перебрались в Москву. Так вот у нее каждое второе слово было: «А у нас в Москве!» Или: «У вас, в этой дыре...а вот у нас, в Москве!» В конце концов, огребла пистюлей от Верки и быстро слилась. Это тебе не в Москве, тут народ простой, чуть что – и в пятак!

Первое время в Москве жила у маминого троюродного брата Вальки, Валентина. С неделю прожила, пока не нашла квартиру на окраине. Вернее не квартиру, а комнату в четырехкомнатной квартире. За десятку в месяц. Валентин предлагал пожить подольше, не спешить, но его жена, Машка, так косо на него посмотрела, а потом на нее, что Таня быстренько решила переместить свое тело подальше от крепких Машиных рук, тем более, что Валька этот самый явно заглядывался на молоденькую «племяшку», будто ненароком приобнимая ее, или «случайно» хлопая по задку. И его ничуть не испугивала Танина хромота и шрамы на ноге, видимые, когда та в трусах, или короткой ночнушке пробегала в ванную комнату для умывания.

Все-таки смазливая мордашка для мужчин – это главное. Потом – все остальное. Хоть парни всегда говорили, мол, повернул задом, поставил рачком – и морды не видать! А сами только и лезли к Таньке, пуская слюни при взгляде на свежее «детское» личико Танюшки. Издалека пуская. Много вас таких, слюнявых, а Танька одна!

Два месяца. Столько времени Таня искала настоящую работу. Оказалось – не такое уж это и легкое дело – найти работу. Вернее, так: найти работу несложно. А вот получить за нее зарплату – совсем другой вопрос. Частенько – не проистекающий из первого.

Первым был магазин, где якобы требовались менеджеры в торговый зал. Нет – так-то требовались, да, но вот только с месячным испытательным сроком – почти без зарплаты. Таня

вышла на работу, потолкалась пару дней, и быстренько выяснила, что это все сплошное кидалово – набирают молодых, обещают золотые горы, а когда наступает срок выплаты зарплаты – увольняют. Мол, не подошли вы нам!

Вторым был офис какой-то фирмы, продающей услуги экстрасенсов. Нужно было сидеть в офисе, обзванивать потенциальных клиентов, в основном старушек и старичков, и впаривать им услуги колдунов и колдуний, запугивая рассказами о несуществующих болезнях. Вроде бы и выгодная работа, но...не такая уж и выгодная. И финансово, и морально. Только представить – сидишь целый день и пытаешься обмануть стариков! Гадко это все. Подло! Выманивать у людей последнее, смертные деньги!

Нет, такое не для Тани. Только не это. Да и опасно – громят офисы этих аферистов почему зря, слишком уж нарисовались, много народа обманули. Хозяин-то смоеется, а девкам на телефонах нервы потреплют. И поделом! Нечего было тут сидеть, идиотки!

Каждый день она начинала со звонков по объявлениям работодателей, и день ото дня укреплялась в подозрении, что закончиться вся ее авантюра может вполне себе бесславно. И что нужно оставить денег хотя бы на билет до дома. Работодателям не нужны были выпускницы красноармейской средней школы, да еще и с одной ногой короче другой. Работодателям нужны программисты, переводчики, электрики и слесари на СТО. Или просто смазливые девицы с ногами от ушей, готовые раздвигать ноги всегда и везде.

Таня не обладала ногами, отросшими от ушей, и не готова была раздвигать их перед первым встречным работодателем. Потому перестала звонить по объявлениям, в которых содержался хотя бы небольшой намек на подобные отношения.

Дни шли, надежда таяла, как и деньги – хотя Таня и старалась питаться как можно скромнее. Ее уже тошнило от «Ролтона», и от вареных вкрутую яиц с майонезом и кетчупом.

А потом ей повезло! По крайней мере – так показалось с первого взгляда. Ночной клуб-кафе-ресторан «Торпеда» на окраине города – им требовались официантки, можно без опыта, зарплата небольшая, но чаевые – все ее! А что еще нужно? Уж ей-то точно надают чаевых, это – без всякого сомнения. Хромая может помешать, но если постараться, можно и скрыть свою хромоту. Будет почти незаметно!

После короткой беседы с директором, довольно молодым, симпатичным мужчиной за тридцать, тут же в бухгалтерию, и вот – она уже официантка. Пока что стажер, но это на неделю, не больше – выучится как следует, поднатаскается, и вперед, работай, гребь деньги лопатой! Наконец-то, она нашла то, что хотела!

Нога болит после беготни – но это ничего, натренирует, ну...потерпит, если что. Зато – десять процентов от стоимости заказа – на карман!

Через три дежурства выяснилось, что не все так благополучно, как ей казалось. К ней подошла одна из девиц-официанток, вечно отирающихся возле администратора, моложавой женщины лет сорока, и сообщила, что тридцать процентов от чаевых Таня должна отдавать этой самой администраторше, иначе долго в «Торпед» не задержится, а если и задержится – будет обслуживать таких клиентов, что не только чаевых не дадут, а еще и с нее денег потребуют.

Таня не была душой, все прекрасно поняла, вздохнула, и...согласилась. А куда деваться? У нее уже завелись кое-какие деньжата, посетители не скупилась на чаевые для улыбочливой, милой девчонки, больше похожей на восьмиклассницу, чем на официантку третьеразрядного кабака. Не директору же идти жаловаться? Вообще-то так было всегда и везде – заработала бабла – поделись с начальником. Обычное дело!

Две недели она «наслаждалась», если можно назвать наслаждением непрерывную беготню между кухней и столиками клиентов, и с удовольствием подсчитывала деньги, которые перепадали от щедрых, и не очень клиентов. А потом все закончилось – быстро, и глупо. Впрочем – как часто и бывает в этой непредсказуемой жизни.

«Торпеда» начинала работать с семи вечера, но официантки приходили раньше, за час до начала работы – таковы правила заведения. Спокойно переодеться, умыться, накраситься, проверить столики, которые закреплены за тобой на предмет чистоты и порядка.

В этот вечер все пошло не так. Как только Таня появилась в дверях, с облегчением окунувшись в прохладу кондиционированного воздуха (после августовской уличной сырой московской жары просто кайф и наслаждение!), к ней тут же подбежала официантка Катя – старшая смены, та самая, что собирала деньги для администратора, и загадочно улыбаясь, сообщила, что ее, Таню, требует к себе директор – на разговор. О чем разговор – ответить отказалась, и тут же унеслась вглубь ресторана, растворившись в полутьме, как помоечная крыса.

Нет, так-то Катя была в общем-то неплохой девкой – Таня видала девок и похуже, но никакого желания дружить с этой девицей у Тани не возникало. Поговаривали, что Катька мужчинам предпочитала женщин (девчонки-официантки шепнули по секрету), и в подругах у нее была та самая администраторша, у которой Катя и была на подхвате.

А еще – однажды Таня увидела в отражении то, с каким безразличным лицом Катька смотрит на ее, Тани, изуродованную ногу. Будто увидела не девичью ногу, покрытую не очень-то и заметными со временем шрамами, а нечто отвратительное – вроде чумных нарывов, или стриптизерского лишая.

Потом девки рассказали, что Катька высказалась при всех, что хромоногим инвалидам не место в приличном заведении. Да и вообще – инвалидам, не только хромоногим. А потому – от этой девки нужно избавиться как можно скорее. Но все как-то затихло, а Таня теперь старалась переодеваться так, чтобы никто не видел ее физического изъяна.

Не заходя в раздевалку, Таня прошла к кабинету директора, постояла у двери секунд десять, утихомиривая дыхание, осторожно постучала, дождавшись ответа, толкнула дверь.

Директор, Сергей Петрович, сидел на кожаном диване возле окна, широко расставив волосатые ноги, выглядывающие из широких шорт. Таня не общалась с ним после единственного разговора во время приема на работу, да и разговор этот был чисто формальным: «Откуда приехала? Сколько лет? Точно – девятнадцать?» – ну и все такое прочее. Потом она с ним только здоровалась, встречая где-нибудь в коридоре ресторана. Никаких чувств у нее он не вызывал – начальник, и начальник. Она ему никто, одна из десятков наемных работников – не модель, не стриптизерша. Всего-то и достоинства, что детское свежее личико. В общем – никаких у него с ней дел быть не может, кроме как служебных.

Так-то девки говорили, что директор не женат, но что у него случилось, почему не было семьи, детей – Таня не знала, а спрашивать стеснялась. Новенькая, ей не больно-то что расскажут. Да и не ее это забота – кто женится, и кто разводится. Нечего голову забивать чужими проблемами! А еще намекали, что время от времени он вызывает к себе официанток. Зачем – не говорили, но Таня догадывалась. И с замиранием в сердце ждала, когда это дело коснется и ее. На секс она точно не согласится, ну а если попросит поработать руками – почему бы и нет? От нее-то не убудет! Но минет делать не будет, это без вариантов!

– Иди сюда! – директор похлопал рукой по бежевой коже дивана рядом с собой, но потом вроде как передумал, махнул рукой – Дверь запири! На защелку запири, чтобы не мешали!

Он задумчиво почесал шею, склонив голову на бок, как здоровенная птица, и у Тани вдруг сжалось все внутри – закрывать дверь? Кто и чему помешает? Ответ напрашивался сам собой, но Таня упорно изгоняла его из головы, отказываясь признать очевидное. Зачем Сергею Петровичу она, хромоножка?! Да и он ей не больно-то нужен! Ей вообще сейчас мужики не нужны! Вот встанет на ноги, денег подзаработает, присмотрится – куда получше пристроиться, с ногой займется! Вытянет ее аппаратом Илизарова, шрамы в клинике заполирует – тогда можно подумать и о мужике! Сейчас ей точно не хотелось никаких отношений!

Секс? Она уже давно научилась доводить себя до оргазма так, что никакой мужчина так не сумеет! Наверное – не сумеет... Отношения с учителем литературы приучили к тому, что

Таня теперь должна регулярно получать оргазм – пусть даже и такой, «пальчиковый», да и для здоровья полезно. Она его и получает. Ежедневно. Если не слишком устала.

– Садись... – директор хлопнул по дивану, и Таня осторожно присела, устраивая попку на самый краешек кожаного произведения искусства, стоившего как неплохой (по меркам Красноармейска) автомобиль. Перед диваном, на столике из голубоватого стекла пузатая бутылка коньяка «Хеннеси», похожая на толстую бабу, севшую на задницу. Название коньяка Таня прочла, отметив про себя, что этот коньяк точно не паленка – сидя на диване за несколько сот тысяч деревянных вряд ли будешь пить дешевое пойло.

Рядом с коньяком закуска – бутербродики с красной рыбой, икрой, еще какая-то снедь – Таня толком ее не разглядела. Не до того!

– Ты что, инвалид? – вдруг спросил Сергей Петрович, подняв широкий бокал с налитой в него чайного цвета жидкостью, поболтал, посмотрел на свет, принялся – Говорят, ты еле ходишь, как утка переваливаешься. Что у тебя с ногами?

Таню как ошпарило! Ах, сучка! Все-таки доложила! То-то она так хитро поглядывала! Ну, вот зачем, зачем твари это нужно?! Крыса поганая!

– Я в ав...аварии была! – заикаясь выдавила из себя Таня, покраснев, как рак – Но сейчас все в порядке! Я только немного прихрамываю! И мне это совсем не мешает!

– Не мешает... – задумчиво протянул директор, и облизнул толстые губы красным, будто в крови испачканным языком – Покажи. Да покажи, покажи – чего стесняешься? Сними платье!

Таня встала, держа спину прямо, будто в позвоночник ей забили осиновый кол, негнушися руками взялась за подол своего лучшего платья, купленного на распродаже, и медленно потянула вверх, надеясь, что директор ее остановит. Но он не остановил, с интересом глядя на то, как обнажаются Танины ноги. Когда показались трусики в цветочек, ухмыльнулся уголком рта, поощрительно покивал головой:

– Снимай, снимай! Совсем снимай! Давай! И трусы снимай! Раздевайся – совсем!

Таня аккуратно сложила платье на край дивана, сунула большие пальцы рук под резинки трусов и медленно потянула вниз, стараясь не смотреть на мужчину перед собой.

Ей было почему-то ужасно стыдно, и она сама не знала – почему. Ведь с учителем – десятки раз, на столе, с раздвинутыми почти в шпагат ногами, под внимательным, жадным взглядом «полулюбовника», как смеясь сам называл себя Николай. Ничего не стеснясь, чувствуя, как язык проникает внутрь, касаясь девственной плевы – и это не было так стыдно, как сейчас, простое стаскивание трусов до колен!

Может потому, что там все было по согласию, любовно, а тут...тут что-то вроде изнасилования! Человек, который выше тебя в социальном статусе насилует твою душу и тело, заставляя сделать такое, что не принято, что неприлично, что ему, начальнику, никак нельзя делать!

Это только в порнофильмах, которых Таня видела немало (а на что еще интернет, как не воровать книжки с фильмами, и не смотреть порнушку?!), любая подчиненная босса, секретарша, или служанка, радостно и с готовностью подставляет свой рот хозяйскому члену, захлебываясь в ненатуральных радостных столах и выбросах липкого семени. В жизни все это гадко и походит на обычное изнасилование, под воздействием если не грубой силы, то жестокого насилия над душой – точно.

Почему-то ей вдруг стало стыдно, что уже с неделю не брила лобок. Раньше, когда была с учителем – всегда следила за тем, чтобы тут все было чисто и гладенько. А здесь, в Москве... все равно некому показывать? Мужчины-то нет! И не намечается! Пусть, мол, кожа отдохнет. Вот и устроила «кактус» вместо гладкой «коленки»!

Трусики застиранные...стыдоба!

Так не на свидание ведь шла, черт подери! И лифчик не надела, да! В принципе – зачем ей лифчик? Не старая бабка! Титьки пока еще и так торчат!

И опять застеснялась – одна сиська больше другой! Говорят, что это у всех так, что это нормально. Но ведь брехня! Полно девок с грудями одинакового размера! А ей какого черта две разные достались?! Одна второго размера, другая полтораашного! Коля успокаивал, мол, ему так больше нравится, сразу видно – натуральные, но от этого-то не легче!

Через пару минут – голая, прикрывающая грудь и низ живота руками. И красная, как рак! Всегда легко краснела – кожа белая, тонкая, аж сосуды видать. Прозрачная! Мать тоже такая, у нее такую кожу взяла. Мраморная статуя, а не девка! Тем более, что давным-давно уже не загорала – из-за шрамов, да.

– Хмм...а ты ничего так...и даже нога не портит! – директор ухмыльнулся, и залпом выпил содержимое бокала – Иди сюда. Ну!

– Не надо... – голос Тани сел, и вместо звонкой речи получился какой-то хрип. Горло пересохло.

– Да что не надо-то? – искренне удивился директор – Тебя начальник зовет! Иди сюда, ну!

Сергей Петрович вдруг наклонился, вытянул руку и поймал Таню за запястье прежде, чем она успела уклониться. Таня ойкнула, но через секунду уже стояла перед мужчиной, едва не упираясь пупком ему в лицо.

– Пахнешь хорошо! Чистая! Не то что эти...кобылы! – с удовлетворением хмыкнул Сергей Петрович, и провел рукой по спине Тани. Спина тут же покрылась крупными мурашками, Таня вздрогнула, изогнулась. Директор хмыкнул, и опустив руки по талии девушки вцепился широкими ладонями ей в ягодицы – больно, будто сжимал столб, боясь оторваться и упасть:

– Крепкие булки! Не люблю, когда у девок жопа рыхлая, как кисель налили! И кстати – не такие уж у тебя и страшные шрамы. Ерунда совсем! А расписали – Квазиморда какая-то, а не девка! Злобствуют девки, конкурентку почуяли, дуры! Знают, люблю таких – чистеньких, молодых, чтобы молочком от них пахло! Хмм...а лобок брить надо, девочка. Только колхозницы из Задрищева сад-огород между ног растят! Будешь брить, а?

Он отпустил левую ягодицу Тани и переставил руку ей на лобок. Палец скользнул между лепестков, и Таня вздрогнула, задохнулась от предвкушения. Давненько ее не трогал мужчина! Все-таки, когда ты делаешь *это* сама – не такое острое удовлетворение.

– Ножки коротковаты, и в спортзал бы тебе походить – жирок подсушить. А так – вполне себе сочная девка! Становись рачком. Ну? Тебе смазка нужна? А! Вижу – ты и своей обойдешься. Потекла, чертовка! Любишь секс, да? Шлюшка! Грязная шлюшка! Сейчас я тебе дам то, что ты хочешь...

Таня опомнилась, и вырвавшись из рук директора, порывисто шагнула назад:

– Я девственница! Не надо меня трогать! Я девочка! Пожалуйста, не надо!

– Чо, внатури?! – директор вытаращил глаза, и недоверчиво помотал головой – В девятнадцать лет?! Сцука, да ты вообще уникальная девка! Раритет, внатури! Ложись! Ложись, я сказал! Да не буду я тебя трогать – только посмотрю! Ну?! Вот так! Раздвинь ноги! Черт! Точно! Девка! И почему?! Что, никто не позарился, что ли?

– Я для мужа себя берегу! Отпустите! – Таня вдруг обозлилась. Ну что он ее как куклу валяет?! Какого черта заглядывает во все дырки?! Да кто он такой?! Волосатый мудак!

– Для мужа?! Ха ха ха... – директор закатился радостным смехом, и вдруг сильно, звонко хлопнул Таню по бедру, оставив красный отпечаток пятерни – Дура! Какому мужу?! Давай я тебе дам двести баксов, типа – за целку, и мы с тобой нормально потрахаемся! Я буду осторожен, обещаю!

– Я не шлюха! – у Тани от возмущения перехватило горло – Не надо мне ваших долларов! Найдите себе проститутку, и с ней трахайтесь! Я с вами не буду! Что это еще такое?! Как вы смеете?! Да я на вас вообще заявление в милицию...то есть – в полицию подам!

– Чего ты сделаешь, дурища?! Заявление?! Я тебе, сука, покажу заявление! – Сергей Петрович зло ощерился, а потом вдруг с размаху хлопнул Таню по щеке так, что у девушки зазвенело в ушах и перед глазами поплыли красные пятна – Будешь кобениться, ты вообще отсюда не выйдешь своими ногами! Потом прикопаю за городом, и все! Искать никто не будет! Заявление она подаст, сука! Иди сюда! Быстро!

Директор схватил Таню за волосы, дернул к себе, она опрокинулась вперед, и уткнулась головой ему в колени. Глаза сразу наполнились слезами – было не только больно, но еще и унижительно. Никогда и никто с ней так не обращался! Домашняя девочка, не шлюха какая-нибудь, как он смеет?!

Таня попыталась вырваться, замахала руками – то ли пытаясь ударить, то ли чтобы оттолкнуться от дивана и убежать, но рука насильника была поистине стальной – оторвать ее можно только вместе со скальпом. Танины пышные волосы с прической «каре» сыграли с ней злую шутку.

«Не зря военные бреются налысо!» – мелькнула у нее дурацкая мысль, и тут же унеслась в потоке отчаяния и страха. А еще – ярости, такой ярости, которой она не испытывала никогда в жизни!

– Пусти, сука! Пусти, гад! – Таня завопила так, что ее должно было стать слышно не то что в коридоре – на противоположной стороне улицы – Тварь! Пидор! Ублюдок!

– Я – пидор?! – рука директора снова хлестнула ей по лицу, и рот наполнился соленой кровью – Я щас тебе покажу, какой я пидор! Соси, сука, ну?! Соси!

Сергей Петрович сдернул с себя шорты, оставшись в одной майке, так же держа Таню одной рукой за волосы на затылке, левой рукой схватил член, уже эрегированный, торчащий вперед в «боевой готовности», и снова уткнул Танино лицо себе в пах, оставляя на волосатой ляжке следы крови из разбитой девчачьей губы. Член уперся в Танины губы, раздвинул их – твердый, с сизой, кисло пахнущей головкой, но дальше стиснутых зубов само собой не пошел, что привело директора в неистовую ярость.

– Соси, сука! Раздвинула зубы, тварь, а то щас их выбью! И попробуй мне только уку-сись – я тебе глотку порву! Я тебя закопаю живьем, гнида ты колхозная! Соси, блядь! Быстро!

Таня сама не поняла, что на нее нашло. Она вдруг раскрыла рот, впуская член до самой глотки, а когда Сергей Петрович облегченно вздохнул, дергая тазом и стараясь просунуть головку как можно дальше, прямо в пищевод, сжала свои белые острые зубы с такой силой, что ей мог позавидовать и волчий капкан.

Вот теперь уже вопил сам Сергей Петрович. А Таня, будто впад в безумие, рвала его несчастный член зубами, рыча, как волчица. Затем схватила насильника за мошонку, прямо за крупные, перекатывающиеся в руке яйца и рванула, дернула, что было сил, выворачивая, выкручивая горячие, упругие шары! Так, что в мошонке что-то хрустнуло и оторвалось! Сергей Петрович потерял сознание.

Таня выплюнула изо рта кровь – свою, перемешанную с кровью насильника, вытерла губы запястьем, отерев его потом о бежевую кожу дивана. Быстро натянула на себя трусики, платье, подхватила сумочку, бросилась к дверям. Оглянулась на бесчувственного директора, истекающего кровью на мохнатом белом ковре, ужаснулась содеянному, но тут же закаменела лицом и выбросив из головы лишние мысли, сосредоточилась на том, о чем сейчас нужно думать. А именно – как избежать расплаты. То, что она последует – это определенно. И что теперь делать? Дома ее найдут, точно. Вернее – не дома, а на съемной квартире. Она давала адрес квартиры. Потребовали – вот и написала, где ее искать.

И у троюродного дяди найдут – спросили, есть ли родственники в Москве – она взяла, и выложила! Дура! Ну кто же знал, что так все закончится?!

А может, не будут искать? Вообще-то он ее пытался изнасиловать! Закон должен быть за нее, за Таню!

И тут же поняла – закон не для таких, как она, «понаехавших». Закон вот для этого бугая, развалившегося на полу и вывалившего свой сизый, распухший, окровавленный член!

Да, недурно ему досталось! Перегрызть не перегрызла, но понадкусывала как следует! Теперь сто раз подумает, прежде чем совать свой поганый отросток в рот незнакомой девушке! И знакомой – тоже. Долго будет ее помнить!

Нет, с квартиры нужно валить, точно. Придут за ней, без сомнения. И никакой полиции-милиции не будет, это ясно, как божий день. Отмудохают, потом пустят по кругу, задушат, и прикопают в овраге, как он и говорил. Бежать нужно! Только куда и как?! На какие шиши бегать-то?! Деньги – где?

И тут наступило просветление – семь бед, один ответ! Вернулась, и методично обшарила карманы шорт и бумажник до сих пор еще бесчувственного директора ресторана, опасливо поглядывая на могучие лапы бывшего спортсмена. Но тот лежал, и не подавал признаков жизни. Мошонка насильника раздулась едва ли не до размеров коровьего вымени, и Таня с легким трепетом заключила, что скорее всего этот кадр теперь будет совершеннейшим импотентом.

Она где-то читала, что травмы половых органов у мужчин частенько заканчиваются импотенцией. Травмированный орган просто перестает работать, даже если у него нет каких-то физических повреждений. Чистая психология – не желает, и все тут!

В карманах нашлось несколько пятидесятирублевых купюр, испачканных кровью, пропитавшей шорты, а в бумажнике – тощая пачка долларов, по двадцать и пятьдесят. На первый взгляд – около тысячи баксов, может чуть меньше. Не бог весть какой куш, но тоже достаточно приятно! Можно продержаться пару недель-месяц! Эту квартиру придется бросать, новую искать.

В углу нашелся сейф, но он был без ключа, на шифре, потому Таня с досадой сплюнула и забыла о его существовании. В бумажнике были еще и кредитные карты, но на кой черт они нужны, когда не знаешь пинкода? На всякий случай проверила – нет ли там бумажки с пинкодом – «для памяти». Слышала, как предупреждали по «ящику», что такое делать нельзя, но многие делают – кладут пинкод рядом с картами. Но увы – директор ресторана оказался продуманным человек и пинкодов в бумажнике не хранил.

В дверь кто-то постучал, и Таня вздрогнула. На нее вдруг накатила волна паники, отключающая мозг, лишаящая воли. Что делать?! А если это охранники?! Если ее сейчас схватят?! А при ней деньги, что вынула из карманов этого борова! Это же грабеж! И пойдет она по этапу!

Ох, ты ж черт...стоило забираться за тысячу верст, чтобы вот так взять, и перечеркнуть всю свою жизнь! Этого можно было легко добиться и на месте, в своем затхлом Красноармейске!

– Сергей Петрович! Это Катя! Сергей Петрович! Откройте!

Таня зло ощерилась на голос девки, из-за которой все и началось, подхватила со стола тяжелую хрустальную вазу, выбросив из нее на пол несколько яблок, подошла к двери кабинета. Осторожно открыла защелку замка, отступила в сторону, пропуская официантку, одетую уже в рабочую форму, а потом с размаху опустила вазу на кокетливый белый чепчик, прикрепленный на макушке девки!

Удар был глухим и хрустким, ваза, как ни странно, разлетелась вдребезги, будто Таня ударила не по голове, а в тяжелый ржавый рельс, который служил для вызова односельчан во время пожара. Таня видела такой в соседней деревне, возле клуба – когда ездила туда на дискотеку.

Чепчик залился кровью, и Катя полетела вперед, и молча рухнула на пол, удобно устроившись у ног Сергея Петровича.

Таня потихоньку, как шпион во вражеском лагере, прошла по коридору до выхода – благо, что кабинет находился прямо у входа, так же тихонько прошла мимо скучающего гардеробщика Семена Самуиловича, не обратившего на нее никакого внимания, мимо тоскливо пускающего

в небо вонючий сигаретный дым охранника Валерки, и цокая каблучками по отдыхающему от дневной жары плиточному тротуару зашагала прочь, туда, где можно поймать такси. Сейчас ей было не до метро и маршруток – поскорее унести ноги, вот главная задача! Собрать вещички – пусть и немудреные, но денег стоящие, сердцу дорогие, да и валить отсюда!

Куда? А на вокзал! Где еще можно найти комнату? На вокзале, само собой! Там стоят бабки с табличками: «Сдаю посуточно». Опасно, конечно. Но что делать? Если бы Таня хотела кого-то найти в этом мегаполисе, зная, что это приезжий (приезжая), что она бы сделала в первую очередь? Обзвонила все возможные риэлтерские агентства, и спросила бы – не снимала ли квартиру невысокая брюнетка с ангельским детским личиком, с прической «каре», явно приезжая? А если бы сказали, что снимала – прислала бы человека с фотографией – фото есть в медицинской книжке, а книжка осталась в ресторане! Да и фотографировали Таню для анкеты – так что и без книжки фото имеется. Взяли адрес в агентстве, и нагрянули бы с утречка, пока она спит, тепленькая и беззащитная.

Вокзал тоже не панацея – Таня и сюда бы заслала людей. Обошли бы всех бабок, сдающих комнаты, показали фото. Трудоемко, муторно, но можно найти! Где-то ведь жить ей нужно? А как снять квартиру без посредников? Даже если в объявлении написано, что квартира сдается без посредников – это чушь и бред. Это замануха для лохов. Пишут такие объявления те же риелтеры, только самые хитромудрые и наглые.

А может совсем уехать из столицы? Ну ее к черту, эту «слезам не верящую»?! А что – рвануть в Питер, к примеру! Там поискать счастья! Тут совсем что-то уж тухлое дело – с работой, и вообще, в свете последних событий.

Но это потом обдумает. Пока что надо быстро свалить с квартиры. Скоро – менты, шумиха, беготня. Скорее всего, завтра за нее уже возьмутся. Хотя...если как следует смажут колесики Системы, то могут и в ночь к ней в комнату завалиться! Уходить надо, точно.

Такси нашлось на перекрестке, возле табачного киоска и остановки общественного транспорта. Пожилой хачик, похожий на всех хачиков-таксистов во всем мире, бурно-радостно отреагировал на появление потенциальной клиентки, и так же бурно минуты две торговался, умудрившись за эти минуты одновременно и поплакаться на плохую жизнь, заставившую его заняться извозом, и попробовать обосновать ту сумму, которую он озвучил для «маладой, такой краасивай!». Тане торговаться было некогда, и скоро она уже сидела в кресле «лады-баклажан», уносясь к своему туманному будущему.

Адрес Таня назвала свой – какая разница, зачем скрывать, ведь потенциальные преследователи его знают! А вот когда потом, с сумкой-чемоданом, набитой вещами садилась в вызванное желтое такси, сказала ехать на Павелецкий вокзал, изображая, что вот-вот сейчас заберется в поезд и уедет туда, откуда и приехала в Нерезиновую. Существовал шанс, что преследователи решат – девочка смылась из города, так что здесь ее искать бесполезно.

На Павелецком она пересела в другое такси, дождавшись, когда уедет первое, и доехала до Казанского вокзала. Тут она и начала поиск комнаты, быстро увенчавшийся успехом. Через час она уже лежала в чистой постели, принявшая душ, сытая (накупила еды на вокзале), и вполне собой довольная.

Что могла – сделала. Максимально замела следы! Пусть попробуют найти, олухи царя небесного! Почему-то все считают, что молоденькая девушка обязательно должна быть душой! А она, Таня, совсем не дура! Сотни книг, в том числе и криминальных романов, научили ее жизни едва ли не больше, чем школа и дворовая компания вместе взятые! И главное, что она почерпнула из этих самых романов, это то, что нельзя недооценивать противника. А еще – мелочей не бывает. Именно на мелочах прокалываются все, даже самые продуманные преступники.

Да, по-хорошему ей и на самом деле нужно свалить куда подальше от этой чертовой Москвы, отсидеться в каком-нибудь Задрищенске, пока гроза не пройдет стороной. Тогда

найти ее будет практически невозможно – если только не засветится каким-нибудь особо глупым образом. Но только зачем она тогда приезжала в Москву? Смысл всего этого действия был – в чем? Найти на задницу приключений?

Все-таки придется остаться в столице. Обезопасив себя со всех сторон. Например – изменив внешность. Ну а что? Ищут брюнетку – а она станет блондинкой! Например – платиновой, эдакой гламурной дивой!

Ищут с прической «каре» – а она сделает «тифозную»!

Ее видели в платье – а она будет ходить только в джинсах и топике! Или в шортах! Нет – никаких шорт, забыла...

И накрадется как следует, чтобы выглядеть постарше. Ведь кроме «каре» – какие у нее отличительные черты? Детское личико, наивное и свежее! Значит, нужно сделать его не детским, и не свежим. Раскраситься, как тридцатилетняя шлюха – и пусть рассмотрят в ней невинную девственницу из Красноармейска!

Завтра, все завтра! А сейчас – спать. Но прежде проверить задвижку на двери – вроде бы бабка и безобидная, но безобидными как раз и выглядят всякие там каннибалы-убийцы. Прибьет, а потом из мяса девственницы пирожков накрутит. И продаст их на вокзале. Нет уж, Таню голыми руками не возьмешь! И голым членом – тоже!

А может, все-таки стоило дать этому...директору? А что – стала бы его любовницей, он бы денег подкидывал, может даже сделал бы администратором в ресторане – если ему как следует понравится. То есть – во все дырки «понравится».

Можно. Только противно это все как-то, и...дешево! Двести баксов, урод! Если бы ты двести тысяч баксов предложил, тогда – можно подумать, а двести баксов?! Иди, подергай свой гнилой отросток в сортире, да смотри, чтобы не отвалился! Сволочь! Крохобор проклятый!

А здорово он вопил, гаденыш! Хе хе хе...и откуда только силы взялись! И злость такая! От папаша, точно, вечного сидельца. Только выйдет – и снова на нары. В последний раз он крепко сел – на пятнашку. Нехрена было сторожа глушить, болван! И денег-то было – все ничего – двадцать с чем-то штук! А сторож взял, да и крикнул, сердце не выдержало! Стоили пятнадцать лет строгача этих двадцати штук? Точно – нет.

Идиот! Хорошо, что она, Таня, умом не в папашку, а в мать! И красотой – тоже. А вот злость видать от папашки, ага... Хотя и маму назвать тихим ангелом язык не повернется. Девки ведь почему Таню трогать боялись – мамашка узнает, придет, и матку вырвет! Отчаянная!

Но спать! Завтра дел куча. Делать – не переделывать. А денег оказалось вполне недурно – семьдесят штук деревянных, да полторы тыщи зеленых – можно какое-то время продержаться и спокойно поискать приличную работу. И даже одежду прикупить поновее – где-нибудь на распродаже. Магазины, бывает, такие классные вещи уценяют, просто за копейки можно взять! Новье! Вышло из моды, понимаешь ли! Нельзя носить! Москва – этим все сказано!

Таня усмехнулась, вздохнула и погрузилась в сон. Без сновидений – черный и бархатный, какой ей сейчас был и нужен.

.....

Проснувшись, долго лежала, смотрела в окно, обдумывала – что ей сейчас делать? Отсидеться в этой комнате, или уйти в город?

После недолгих размышлений, пришла к выводу – надо отсюда валить, и пока не изменит внешность – комнату не искать. И вообще – пока что нужно снимать комнаты или квартиры посуточно. Работу-то нужно найти? А где она будет, эта работа? То ли на юге, то ли на севере столицы! И тащись потом до дома по пробкам – четыре часа туда, четыре обратно! Нет уж, она не такая дура, как местные, чтобы жить в пробках! В вонючих маршрутках!

Поискать работу поближе к заранее снятой квартире? Чушь и бред! Щас прям, приготовили тебе работу возле дома! Это только проститутка – вышла из дома, встала у края дороги –

вот тебе и рабочее место. Да и то – хрен дадут стоять просто так, налетят сутенеры, менты – избыют, оттрахают, ограбят. Девчонки рассказывали.

Кстати, тоже выход, если что. Черт с ней, с девственностью! В какой-нибудь элитный бордель, где платят много, отсидеться, подкупить деньжат и свалить!

Фыркнула – вот это прогресс! Только вчера она не желала давать чужому мужику, берегла свою целку, а сегодня всерьез раздумывает о карьере путаны! Ну не смех ли, а?! На кой черт тогда отказала Сергею Петровичу? Покалечила его?

А нечего было насильничать! Сказала же – не хочу! Не буду! Чего лезешь? Если бы все было как-то...культурно, что ли – цветы, ухаживания, поцелуйчики, ей-ей не устояла бы. Наверное. Мужик в общем-то довольно симпатичный, холеный, не то что красноармейские парубки. Взбесило вот это отношение, как к вещи, как к рабыне – становись, раздвигай, соси, лижи – ты не охренел, парень?! Тебе это чего, рабовладельческий строй?! Я всего лишь официантка, мне платят за то, что я блюда разношу, а не за то, чтобы вылизывать твои бритые яйца!

Всякая женщина мечтает о сильном, красивом мужчине, которые возьмет ее...эдак прижмет, и сделает с ней все, что захочет! Но есть один нюанс – женщина должна быть согласна, чтобы ее прижали и сделали с ней все, что он, мужик, хочет. И никак иначе! Эту простую истину вдалбливала в голову Тане родная мама, до сих пор пользующаяся большим успехом у женихов. Никакого насилия! Со стороны мужчины, конечно.

Таня вдруг хихикнула – вспомнила, как мать однажды забирали в отделение. Один мамин «жених» попытался взять ее насильно, типа он десантник, крутой, а она шлюха и должна давать во все дырки! И не кобениться, как последняя тварь! (Таня слышала все через стенку – как и многое из происходящего в маминой комнате) И если мужик хочет трахнуть ее в зад – раздвинь булки, получай удовольствие, и радуйся, что у тебя есть такой клевый мужик!

Он успел добежать только до калитки – там мама его и настигла. Скалка – хорошее оружие, сравнимое по эффективности с мечом, или палицей – если уметь ей пользоваться. Мама умела. Тридцать швов на голове несчастного «мачо», два выбитых зуба, сломанный нос. Это вам не гламурные дивы с надутыми губами! Это улица Колхозная в славном граде Красноармейске!

Он заяву наката, дурак, мол – привлечь к ответственности эту женщину, ни с того, ни с сего набросившуюся на него без всякого к тому повода. Вот только экспертиза показала, что на бедрах матери остались синяки, свидетельствующие о насилии, как и на ягодицах несчастной жертвы, расправившейся с пьяным насильником. Дело так повернулось, что ему самому пришлось отдуваться – машину продал, чтобы адвокатов нанять, а потом еще и маме сотку отдал – чтобы заявление забрала. Типа – за ущерб.

В общем – одна из первых истин, которые внушила мама – не поддавайся на насилие, а если не смогла сладить с негодяем – мсти! Бей! Круши! В большинстве случаев суд стоит на стороне женщины. Таких случаев, когда страдает мужик, попытавшийся взять то, что ему брать не позволяли. Как Сергей Петрович, нарвавшийся на хорошие, справедливые пистюли. Мама была бы довольна!

Ну да ладно – Сергей Петрович уже в прошлом. О будущем надо думать.

Нет, бордель – это не вариант. Грошовые деньги, постоянная опасность за копейки – это не то. Совсем не то. Не там нужно искать Большую и Чистую Любовь. Она, по слухам и фильмам, обитает в больших красивых офисах, рядом с большими (в финансовом плане) людьми. Они делают деньги, куют капитал, им некогда искать свою Любовь по городским улицам. Любовь должна к ним прийти прямо в кабинет! С доставкой, как пицца!

Вдруг представила горячую, вкусную пиццу с копченой колбасой, перцем и солеными огурцами – рот наполнился слюной. Сегодня можно себе позволить! Роскошь!

Нет, не потому роскошь, что роскошь, а потому что это Зло для молоденькой девушки. Впрочем – и не молоденькой тоже. Кусочек маленький, а жиру на животе и боках добавит, будто съела быка!

Пацанам легче! Жрут, мерзавцы, что не попадая, и не толстеют! А тут только посмотреть на пирожное, и уже все – прет, как на дрожжах! Несправедливо. Как и все в этом мире.

Но надо собираться. Пора!

Медленно, едва не кряхтя встала, покопалась в вещах – нашла чистые трусики, натянула. Тоже мама приучила: *«Держи тело в чистоте! Трусы меняй как можно чаще, не будь хабалкой грязной, засаленной! Мужики любят чистых!»*

Умная мама. Только какого черта с таким умом она в этой дыре застряла? Почему ума не хватило оттуда выбраться?! Мда...

Оделась, натянув дырявые – по моде – джинсы. Наверное – самая дорогая у нее вещь. Тут уже купила, в Москве. В таких штанах дома не больно-то походишь, тетки соседские засмеют. Мол, «на помойке нашла, штоли?!» А здесь – всем плевать, что у тебя ляжки и зад из дырок высовываются. Тут и почище того увидишь – штаны с мотней до земли! Пацаны дома за такие штаны чморили бы лоха до тех пор, пока бы этот чмырь не повесился! И кто придумал такое тупое уродство? Говорят, вроде какая-то негритянская мода. И какого черта все за ними тянутся? Даже стыдно иногда. Как вот за эти штаны с мотней.

Сдала ключи от комнаты старушке с добрым лицом и хитрыми, колючими глазами вокзальной барыги, и медленно покатила свой чемодан на колесиках к лифту. Неудобно, да – таскаться с таким «сараем». Благо, что вокзалы рядом, только в метро остановку проехать, и можно сдать чемодан в камеру хранения.

Через час, свободная, и почти счастливая Таня прихрамывая шла по улице, рассматривая дома, вывески, лица людей – хмурые, озабоченные, счастливые и грустные. Она любила иногда вот так – идти, смотреть в лица, придумывать судьбу встреченного человека.

Вот идет парочка, им лет по двадцать. Глаза затуманены желанием, похоже, что только что вылезли из любовной постели. У девушки на шее тщательно замаскированный тонирующий крем засос, а парень эдак по-хозяйски обнимает ее за плечи, как бы говоря: *«Мое! Теперь – мое!»*

Немного завидно. Видно, что хороший парень, хотя и любит попонтоваться. Да и девчонка – не гламурная сука. Вон как смотрит на него влажным оленьим глазом. Любит! Эх, где он, Танин парень? Где бродит? Ищет ее, и не находит... Не указывает Господь нужную тропинку, ведущую к ней!

А вот женщина за сорок. Одета чисто, но платье застиранное, давно вышедшее из моды. Губы сложены в скорбную гримаску. Видать – муж пьяница, дети придурки. Жизнь раздавила ее грязными колесами тракторной повозки, оставив на лице глубокие колеи-складки.

А вот бегут, хихикают девчонки, лет по шестнадцать, веселые дурехи! Одеты хорошо, по моде, в руках дорогие телефоны. Только вот через слово – мат! Ну как так можно? Ну да, Таня тоже может завернуть матом – да так, что уши завянут! Но не на улице, рядом со старшими! Не через слово! Вот она, столица – ничего не стесняются! Пороть надо мерзавок! Плеткой! По голому заду! Как в порнушке. Хи хи хи...

Мда...мысли все время возвращаются и возвращаются к происшедшему. И снова предательская мыслишка – и чего она так кобенилась с директором? Сейчас спала бы в своей квартире, отсыпалась после ночи. А теперь чего? Думает, как бы замести следы! Бродит по каменным джунглям, «сбрасывая с хвоста» погоню!

Нырнула в первую попавшуюся парикмахерскую под вывеской «Букет». Посмеялась про себя – название, как у саратовского майонеза! Фантазии нет у людей, что ли?!

Впрочем – постригли и покрасили в этом самом «Букете» вполне недурно. Сама себя не узнала в этой красивой платиновой блондинке! И чего она раньше так не стриглась? Даже

парикмахерша завистливо вздохнула: *«Экий кукленок получился! И где мои шестнадцать лет?!»*. Соседка-коллега рядом у кресла грустно улыбнулась, кивнула: *«Там же, где и мои! В заднице! Просрали мы наши годы, Валуха! Теперь – их время! Пятнадцатилетних!»*

Таня про себя посмеялась – ее принимают за пятнадцатилетнюю?! Вот же хохма! А потом снова озаботилась – надо будет рожицу подмалевать, точно. Слишком она заметна!

Следующий маршрут был проложен в магазин косметики. Подобрала не очень дорогой набор для макияжа, и в соседнем доме, прямо на лестничной площадке у окна наложила грим, постаравшись сделать так, чтобы лицо выглядело старше двадцати. Сделать это было довольно-таки несложно – раскрася, как шлюха, вот тебе и двадцать пять! Проверено!

Мама всегда учила: *«Крась лицо слегка – глазки подведи, реснички раскрась, а так, как эти дуры – не делай! Тонны штукатурки на морду – мужики терпеть не могут таких дур!»* Не факт, конечно – некоторым нужна штукатурка, чтобы скрыть плохую кожу. Но Тане и ее маме она точно не нужна. Если только не нужно скрываться от возмездия покалеченного насильника.

Ну вот, теперь ее трудно узнать. Можно спокойно расхаживать по городу, не боясь наткнуться на «агентов». Все-таки прочитанные книжки развивают, это точно! Какая-нибудь другая девка, дуреха типа Верки, уже бы попалась. Сидела бы на квартире и ждала, когда за ней придут и набуздают. А Таня все грамотно сделала, как в шпионских романах! Настоящая Мата Хари!

Черт, и почему нет школы шпионов?! Она бы пошла! В шпионки! Только чтобы не надо было спать со всякими уродами ради важной информации. Хотя... ради дела-то, чего и не переспать? Если как следует предохраняться – так и ничего страшного! «Все зависит от высоты налития стакана» – как говорил один адвокат, мамин любовник. То есть – от платы. Все имеет свою цену – это Таня знала наверняка. И она чего-то, да стоит. И надеялась, что стоит дорого.

Пиццу все-таки есть не стала. Заказала борща,пельменей, салатиков – наелась, чуть живот не лопнул! Едва, отдуваясь, вылезла из-за стола, медленно вышла из кафе. Побрела по улице – куда глаза глядят.

А глядели глаза на большую букву «М», и привели ноги снова на вокзал. Уже другой вокзал, Ленинградский. Не надо часто мелькать на одном и том же месте – закон шпионов!

Снова старушка с колючими глазами, и квартирка за две штуки в сутки. Далеко от вокзала, обшарпанная, будто в ней месяц стоял цыганский табор, но отдельная, даже не комната. Без телевизора – так и нахрен он сдался? Вода горячая и холодная, ванна есть (правда, в такой ванне лежать Таня точно бы побрезговала, как и садиться без бумажки на такой унитаз!), газовая плита и кое-какая посуда. Хватит, чтобы пересидеть пару дней, пока ищет работу. Вряд ли, конечно, найдет за пару дней, коли за пару месяцев не нашла, но чем черт не шутит? Скорее всего, все-таки придется снять недорогую квартиру ближе к окраине, и потом уже и думать насчет работы. Как и раньше делала. Но пока – пусть будет так.

И снова на вокзал! За чемоданом, в камеру хранения. Ноги уже гудят от хождения, и больную ногу будто огнем жжет. Но что делать? Жить-то хочется! И хорошо жить! Так что терпи, и шагай! Жизнь – это движение!

По дороге накупила газет, а потом не выдержала, зашла в салон связи и купила китайский телефон со здоровенным экраном. Тут же вставили симку – теперь у нее есть интернет! И газет не надо – посмотрела по объявлениям в сети, позвонила, и вот ты уже «помощница руководителя»! Как в объявлении написано. «Ищу помощницу руководителя»

Интересно, чем это она ему помогает? Руководителю этому? «Полирует шлем»? Или делает массаж мошонки?

Обман! Везде обман! Москва – здоровенный магазин, торгующий «воздухом». Несбывшимися надеждами, если быть точной. Но это уже и не новость. Немного передохнуть, и за дело – деньги тают, а предстоит еще много потратиться.

Глава 2

Таня в очередной раз с тяжким вздохом осмотрелась вокруг себя, перешла через коридор, прислонилась плечом к отделанной пластиком стене офисного здания.

Она стоит здесь уже час, проклиная себя за то, что решила отправиться на кастинг. Ну куда, куда ей против этих красоток, ей, деревенщине, с вещами, купленными на колхозном рынке?! На ней нет ни одной вещи дороже тысячи рублей, а вот у той голубоглазой красавицы одни лишь туфли стоят не менее пяти тысяч! А может и больше!

И посидеть негде, черт подери – везде девки, девушки, девчонки и девицы! Куда не брось взгляд – как цветы в здоровенной клумбе торчат девки! Все стулья, диваны, диванчики – все занято! И тут она – хромоножка, в совсем даже не бутиковой одежде!

Ох, и дура же, в самом деле! «Мы вас не ждали, а вы приперлися!» И надо же было увидеть то объявление!

«Богатый бизнесмен ищет помощницу в бизнесе. Красивая внешность, высшее образование, знание языков и местная прописка не обязательны. Обязательно желание много зарабатывать и расти по карьерной лестнице. Зарплата очень высокая, социальный пакет, возможность роста»

Два дня думала. Названивала по другим объявлениям, в очередной раз разочаровывалась, снова звонила, и когда время подперло (кастинг должен был быть как раз через два дня) – решилась. Правда, а что она теряет, кроме своих иллюзий? Да и тех иллюзий-то давно уже у нее нет! Какие иллюзии у девчонки из Красноармейска, только недавно откусившей член у насильника?!

Вот для чего может быть этот кастинг? Вряд ли на порнуху – такие кастинги, порнушные, устраивают по-тихому. Приглашают девок, вешают им лапшу на уши, мол – в порноактрисы возьмем! Трахают, снимают этот трах, и быстренько сваливают из страны.

А какой еще кастинг может быть? В секретарши? В актрисы?

А что – почему бы и нет? Ходят, к примеру, смотрят, выбирают типажи. А потом – прраз! – и предложат сняться в какой-нибудь «Игре Престолов»! А что? В «Игре» и непрофессиональные актрисы играли, вообще даже профессиональные проститутки!

Читала – они потом цены на свои услуги взвинтили. А что, всем за счастье трахнуть актрису из мегаблокбастера!

Кстати, здоровская штука, этот фильм. Таня его весь пересмотрела, и не по одному разу. Говорили, что она немного похожа на Мать Драконов Дейнерис. Только лицо не такое глупое. У Дейнерис и правда – мордочка почти как у дауна. И это не зависть! Так на самом деле!

Вообще, в этом объявлении подкупали главные слова: *«Красивая внешность, высшее образование, знание языков и местная прописка не обязательны»* Если бы их не было – Таня черта с два бы потащилась через весь город в непонятное офисное здание, на котором нет даже таблички с названием фирмы. Разумом она понимала – замануха! Объявление специально оставлено так, чтобы привлечь как можно больше народа, а в глубине души все-таки копошится: *«Ну а вдруг?! А если?! А может это шанс?!»*

Приехала к восьми утра, хотя начало кастинга в десять. Так, на всякий пожарный случай. Кто раньше войдет – тот свой шанс и получит. Это ясно, как божий день. Так вот в восемь утра было уже сто двадцать человек! Таня – сто двадцать первая! С ночи занимали, что ли?! Сучки крашенные! Понаехали!

Таня тихо хихикнула – вот и она стала «москвичкой», понадобилось всего два месяца и один откушенный член начальника! Теперь она как и все «москвичи» люто ненавидит «понаехавших», которые отнимают у нее хорошую работу!

Может повернуться, и уйти? За три часа прошло человек тридцать, не больше. Такими темпами она сегодня точно на собеседование не попадет, даже и надеяться глупо. Очередь не убывает. Это только тут, в помещении сейчас человек сто, а на улице, в скверике, еще штук двести! Охренеть... жарко, душно, обмахивающиеся подолами страшные телки – фу!

Нет, глупое занятие – тут сидеть. Пришла, приковыляла! Валишь отсюда надо... и пить очень хочется. Мало воды взяла, что ей какие-то триста грамм минералки? Растянула на три часа, последний глоток ушел полчаса назад. И в глотке пересохло – терпежа никакого! Все, уходить нужно!

Таня повернулась, поморщившись от боли – нога, чертова нога! – и пошла к выходу мимо потных, обмахивающихся газетами и подолами девушек разных «калибров» и расцветок.

Уже почти в дверях споткнулась о выставленную вперед ногу рыжей здоровенной девки, густо усыпанной веснушками и прыщами. Девка смотрела злобно, и на взгляд Тани прошипела что-то матерное, оскорбительное, из-за чего в Тане сразу поднялась волна гнева и захотелось прибить мерзкую курву.

Ну что за тварь, а?! Ну, в самом деле – чего они все сюда приперлись?! Ну, вот на что рассчитывает эта тварь, лоб которой просто-таки усыпан выдавленными и назревшими мерзкими «вулканами»? Да до нее дотронуться противно, не то что в помощницы брать!

Но Таня сдержалась – не ударила, не плюнула в толстую морду. Разъяренная, пошла дальше, заряженная злостью по самую свою платиновую макушку. От Тани сейчас можно было заряжать аккумуляторы, ее просто колбасило, и хотелось кого-нибудь прибить!

Нет, это точно влияние отца-уголовника. Или это столица так влияет на человека, заряжает его черной энергией разрушения!

Кто-то тронул за плечо, и Таня резко обернулась, готовая дать отпор. Кто мог ее остановить? Только та рыжая сука, специально подставившая ногу! Тварь!

Но это была не «рыжая сука». То ли девушка, то ли женщина – неопределенного возраста, от двадцати до тридцати пяти, одетая строго, элегантно, в стиле офисных работников – темная юбка чуть ниже колен, обтягивающая стройные бедра, белая, с кружавчиками, блузка – дорогая, видно с первого взгляда. В ушах серьги с камушками – поблескивают на солнце как бриллианты! А может и есть – бриллианты, почему бы и нет? Таня видела эту женщину, пока стояла в зале – она проходила мимо, будто прогуливалась, и ни на кого не обращала внимания. Явно местная, из администрации, типа – воздухом подышать вышла.

Девушка смотрела на Таню строго, холодно, и ее глаза – странные, один зеленый, другой голубой – впивались в Танину душу, будто стараясь рассмотреть в ней что-то такое, что не видно не только окружающим, но и самой Тане.

– С вами хотят побеседовать – бесцветным голосом сказала брюнетка, и уже поворачиваясь, бросила – Пойдемте за мной.

Таня постояла секунды две, глядя на то, как удаляется узкая спина бизнес-вумен, затем опомнилась, и под злобными взглядами конкуренток гордо проследовала следом за представительницей «богатого бизнесмена».

То, что это представительница тех, кто устроил кастинг – теперь не было никакого сомнения. Таня и раньше читала, что все происходит именно так – все ждут в очереди, а мимо этой самой очереди прохаживаются специальные люди, приглашая тех, чья внешность заинтересовала работодателя. Так что по большому счету очередь и ее пропускная возможность не имеет никакого значения. Будет удача – значит, будет. Лотерея, однако!

Приятно идти мимо толпы, из которой вырвали тебя одну! Эти ненавидящие взгляды! Эти перекошенные рожи! И туфли за пять тыщ не помогли! Хи хи хи!

– Съешь лимон, сука! А то рожа больно счастливая!

Это рыжая, в спину! Хи хи хи...

Хмм...неужели и правда такое счастливое лицо? Чему радоваться? Еще ничего не решено. Просто ее выбрали для собеседования вне очереди, вот и все. И не факт, что те позвали, кто организовал кастинг – и такая версия имеет право на существование! А все-равно приятно! Хи хи хи... Как мало человеку нужно для счастья! Обошла конкуренток на маленьком повороте – вот уже и радость! И пить теперь не так уж и хочется! Хочется, но...уже не так.

Это был обычный кабинет обычного бизнесмена средней руки – как с картинки, или с экрана телевизора. Длинный стол, с двух сторон которого стоят два десятка стульев, «директорский» стол, на котором громоздятся настольные часы из зеленого камня. Стены кабинета облицованы деревом, под ногами паркет, начищенный до зеркального блеска. Все элегантно, вроде как и скромно, но видно, что эта скромность стоит огромных денег. И прохладно! Так прохладно, что кажется – сейчас изо рта пойдет пар! А пить все равно хочется, вот же черт побери!

– Лена, налей гостю минералки... – мужчина за столом поднял взгляд на Таню, и та вдруг невольно поежилась. Взгляд был тяжелым, пронизывающим, как у следователя, привыкшего подозревать всех и вся, или патологоанатома, копающегося в мертвых телах и точно знающего, что остается от человека после его смерти.

Спохватилась – а откуда он знает, что «гостю» хочет пить?! Впрочем – она ведь облизнула губы, когда думала о жажде. Да и жарко за порогом кабинета, можно догадаться, что любой из гостей сейчас мечтает о ледяной минералке. Впрочем – возможно, что он предлагает пить всем, это что-то вроде релаксации, чтобы человек не волновался, и можно было с ним нормально поговорить. И такое возможно.

В любом случае – минералка была холодной, но в меру, чтобы не было ангины, стакан большим – почти на поллитра, и через минуту у Тани приятно булькало и пузырилась в животе. Жить хорошо, и жизнь хороша! Теперь – и поговорить можно!

– Ты приехала из провинции на завоевание столицы – без предисловия начал говорить мужчина, и Таня едва не вздрогнула. Голос был тяжелым, густым, как черная смола. Это был голос человека привыкшего к власти, не простой власти – неограниченной, когда над тобой нет никакой власти, кроме власти денег. И власти Бога.

– Закончила школу без особых успехов, на поступление в ВУЗ нет денег. Неполная семья – отца нет. Ищешь работу, но работы по твоим запросам нет. Ты достаточно умная, начитанная, имеешь принципы. Девственница. Что в наше время, в таком возрасте большая редкость.

Откуда он все про нее знает?! Даже про то, что она девственница?! – у Тани перехватило дыхание, и она замерла, вытаращив глаза, будто перед ней появился настоящий Дед Мороз верхом на олене – Неужели следили? Да кто она такая, чтобы за ней следить?! Провинциальная дурочка!

– Склонна к насилию, хотя и считаешь, что наоборот – ненавидишь насилие. Умеешь подчиняться, но умеешь и подчинять. Деньги не очень любишь, но любишь все, что они могут дать. Не так давно получила травму, из-за чего одна нога короче другой. И ты этого стесняешься. Брюнетка. Недавно сменила цвет волос – возможно, от кого-то скрываешься. Я что-то упустил? Хочешь дополнить?

Мужчина продолжал сверлить Таню взглядом, а та сидела прямо, едва касаясь задом края дорогого стула красного дерева. Она не знала, что сказать, и просто кивнула головой, мол – ничего не упустил. А если что-то упустил – так оно и неважно.

Сколько ему? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят? Жесткое, будто вырубленное из камня лицо, темные глаза, глубоко утопленные в глазницах, крепкие плечи, но не массивен – похож на бывшего спортсмена, прыгуна в высоту, или бегуна на короткие дистанции. Сухощавый, жесткий, как старое сухое дерево. Бывают такие люди – их не берет время, они будто консервируются в своем высохшем, задубевшем мускулистом теле на долгие десятилетия.

– Когда я спрашиваю, ты должна отвечать, максимально полно, и по делу – не повышая голоса сказал мужчина, но в его интонациях прозвучал звон стального клинка – Ты меня поняла?

– Да, поняла! – мелко закивала Таня, и прикусила губу. Да уж, с таким начальником не забалуешь!

– Хорошо. Ты умеешь учиться – тяжело, но удовлетворенно подытожил мужчина – сейчас Лена тебе кое-что даст, чтобы мы могли продолжать дальнейший разговор. Ты должна это быстро прочитать и подписать, если согласна. Если не согласна – ты уходишь и забываешь о нашем существовании. А мы – о твоём.

Листок уже лежал перед Таней, Лена положила его прежде, чем мужчина успел договорить. К тому времени, как он закончил фразу, Таня уже пробежала листок глазами, выхватив основные пункты.

А главными пунктами там было вот что: во-первых, за собеседование, вне зависимости от его результата, ей выплатят сумму, в рублях, эквивалентную ста долларам США.

Во-вторых, все, что она здесь услышит, не подлежит разглашению, и если Таня передаст информацию третьим лицам – неважно кому, близким родственникам, или друзьям – заплатит штраф в размере двадцати тысяч долларов США, и это кроме каких-то туманных угроз вроде уголовного преследования за промышленный шпионаж, и еще чего-то такого, что Таня не очень поняла: *«...и другие методы, которые можно применить к нарушившему соглашение»*.

Чепуха какая-то! Что они, убьют ее, что ли, в самом-то деле?! А хотя...все может быть. Люди точно серьезные, это тебе не поганая «Торпеда» с ее лоховидными охранниками! Если уж у директора «Торпеды» водились очень даже неплохие деньги, тогда что говорить о тех, кому принадлежит четырнадцатизэтажное офисное здание! Если оно им принадлежит, конечно.

– Впиши свою фамилию, имя, и распишись – если собираешься беседовать дальше – Лена положила перед Таней дорогую авторучку, и встала рядом, у плеча – Побystрее решай, ты здесь не одна. Нам нужно выслушать еще как минимум два десятка претендентов.

Таня подмахнула листок не думая. И не потому, что за это ей дадут сто баксов, нет. Любопытство! Что же там, впереди, что за секретность?! Спецслужба какая-то, а не набор помощницы бизнесмену! Все очень странно, и жгуче-любопытно.

– Ну вот и хорошо – удовлетворенно кивнул мужчина, бросив взгляд на листок – Лена, выдай ей сто долларов. Хорошо. Итак, слушай внимательно, девочка. Начну с хорошего. Если ты подпишешь контракт, то будешь получать на свой персональный счет каждый месяц пятьдесят тысяч долларов США. Кроме того, то время, что ты будешь обучаться своей специальности, ты будешь находиться полностью на нашем обеспечении – еда, одежда, жилье – все, что нужно молодой девушке для ее нормального существования. Жить некоторое время ты будешь вместе с другими девушками на одном из курортных островов теплого моря. Тебе будет обеспечена любая медицинская помощь, ты ни в чем не будешь нуждаться. По истечении пяти лет, и если ты не допустила грубого нарушения правил – получишь еще миллион долларов США в одном из зарубежных, европейских, или американских банков. Без налогов – мы их заплатим сами. У тебя есть вопросы? Задавай. Я хочу, чтобы у тебя не было никаких сомнений в том, что ты правильно поняла мои слова.

– Как я могу вас называть? – осторожно спросила Таня, ошеломленная услышанным, и уже пожалевшая, что сюда пришла.

– Зови меня Мастер – подумав секунду, ответил мужчина.

– Господин мастер...

– Просто – Мастер!

– Мастер, а что я должна буду делать за эти деньги? Ведь такие деньги так просто не платят! Пятьдесят тысяч в месяц, это что, три миллиона?! Ох, черт...простите! Я вначале поду-

мала – триста тысяч! А тут...так много! И миллион долларов! А еще – что вы считаете грубым нарушением правил и за что меня могут лишить миллиона? А этих пятидесяти тысяч могут лишить?

– Можем. Если ты пойдешь против нас, станешь работать на тех, кто пытается нам навредить. Но я думаю, что ты умная девочка, и не станешь так делать.

Мужчина слегка кривовато усмехнулся, и Таня вдруг покрылась мурашками от его «веселой» улыбки. Да, такой точно не простит предательства! Этот не в овраге закопает, это сделает чего-нибудь похуже! Хотя куда уж хуже...

– Нет, не пойду. Я не предательница! – горячо откликнулась Таня – Так что же я должна буду сделать за эти деньги? Кого убить?

Она хотела так пошутить, храбрилась, стараясь выглядеть увереннее, чем это было с ней на самом деле. Но вышло как-то неловко. Никто не засмеялся, никто даже не улыбнулся. Мужчина так же мрачно и пронизывающе смотрел на нее, и Таня вдруг поняла – влипла! Предложение настолько привлекательно, что от него откажется только идиотка! Но при этом сразу становится ясно – такие деньги платят не просто так! Неужели ее хотят сделать наемной убийцей?! Ну как Никита! Типа – тренируют, а потом говорят, кого убрать, и она их отстреливает из винтовки с оптическим прицелом!

Страшно, черт подери! Но деньги, такие деньги! Встать и уйти?! В съемную хатенку, в которой бегают голодные тараканы и пахнет ссаками из сортира?!

Вот так и ловят на крючок – заглотила, подсекли – некуда рыбки деваться! Бей хвостом, трепыхайся, а конец один будет!

Если сейчас уйдет – никогда себе не простит, что упустила Шанс! Будет как мать – сидеть в захолустной дыре, работать продавщицей, а по выходным ублажать полупьяных грязных мужиков, надеясь найти среди них свою большую любовь. Нет уж, пан, или пропал!

– Ты будешь делать все, что мы тебе скажем – тяжело, веско припечатал Мастер – На пять лет – ты наша. Вся, до последней капли крови. Ты – рабыня, у которой нет никаких прав. Кроме права исполнить то, что мы тебе прикажем. Гарантирую, что ты будешь жива, здорова, не станешь калекой. Более того, все твои телесные недуги будут излечены без следа. Но не жди пощады – за малейшее неисполнение приказа следует наказание. В том числе – телесное. Если ты плохо стараешься – нет рвения к обучению – наказание.

– Я что, должна буду заниматься сексом с тем, на кого вы укажете? – внутри у Тани все заледенело, неужели ее сдают в какой-нибудь турецкий бордель?! Но там такие деньги точно не платят! Там вообще ничего не платят! Только трахают!

А может это просто замануха?! Приманка в капкане? И вообще увезут, на органы разберут, и жалуйся потом небесному Царю!

– В том числе и сексом – криво усмехнулся Мастер – С тем, на кого мы укажем, и столько, сколько нужно! И КАК нужно. А то, что ты девственница – это очень хорошо. Значит, внутри тебя еще не было чужого семени и ничто не повлияет на чистоту процесса.

– Какого процесса? – снова обмерла Таня, но мужчина проигнорировал вопрос, продолжив свою речь:

– При подписании контракта ты сразу получишь сто тысяч долларов на счет, на который ты укажешь, или на нашу карту. После этого ты все пять лет будешь под нашим контролем и охраной. Назад дороги не будет. Сбежать с деньгами ты не сможешь – это я тебе гарантирую. Кроме пятидесяти тысяч долларов заработной платы в месяц могут быть еще и бонусы – размер их не ограничен. Мы ценим старательных работников и поощряем труд! Итак, ты готова подписать контракт?

Кровь билась в висках, и Таня чувствовала ее удары. Мозг работал на полную мощь, пытаясь проанализировать ситуацию, пытаясь найти подводные камни, вычислить обман, раскрыть аферу – если это афера! Но ничего не получалось. Мало информации, и нет времени

все как следует обдумать. Попросишь время на обдумывание – могут и нахрен послать! Вон их сколько, охочих до денег и теплых курортов девок!

– Вот тут, на карте – сто тысяч долларов. Пинкод я сообщу после того, как подпишешь контракт! – Лена положила перед Таней карту «виза», и та заворуженно уставилась в серебристый прямоугольник, будто это был кусок сыра, а Таня – сказочная лиса, жить не могущая без вожделенного куска – Ты сможешь проверить наличие денег через интернет – нужно будет только завести личный кабинет в этом банке. Карта обезличена, на вымышленное лицо. Логин и пароль мы тебе предоставим. После подписания контракта закажем карту уже на твое имя, и ты ее получишь перед выездом на остров. Но ты сможешь перевести деньги и сразу, сейчас – например, родственникам.

Щас прям! – подумала Таня – Чтобы мамочка профукала мои шесть лямов!

Шесть лямов! Черт подери! Это же хороший дом! Или новый джип! Это много, очень много новой одежды! Это все, что она, Таня хотела от жизни, но не смела об этом даже мечтать!

– А звонить домой я смогу? Это не запрещено? – осторожно осведомилась Таня, задумкопоглядывая на лица Лены и Мастера, не проявится ли на них отблеск нехороших, направленных в ее адрес.

– Сможешь, конечно – пожала плечами секретарша – Но если ты хоть словом обмолвишься о том, где ты работаешь и что делаешь – тут же будешь наказана за разглашение конфиденциальной корпоративной информации.

А если они меня и правда заставят убить? – вдруг подумала Таня – Что тогда?! На «шуточку» мою вон как отреагировали! Про убийство! Даже глазом не моргнули, считай, сказали: «да!» Шпионов готовят, что ли...киллеров. Так что делать-то?! И хочется, и колется!

И тут Таня вдруг поняла – она уже давно приняла решение, как только услышала про деньги и острова. И теперь только оттягивает неизбежное.

Будь, что будет! Убьют, так убьют – значит, судьба ее такая! Но жить как прежде, вернуться в этот затхлый провинциальный мирок она не может. Лучше сдохнет! Или кого-нибудь убьет.

«Ты сдохни сегодня, а я – завтра!» – гласит эковская пословица. Так чего она кобенится, правда? Что она теряет, кроме жизни своей непутевой?

– Я согласна! Где подписать? – Таня встала, вцепившись руками в край стола, всмотрелась в глаза-провалы Мастера, и вдруг с тоской ощутила себя пойманной в силки птичкой. Ну почему так несправедливо? Ей, чтобы получить все эти блага нужно подставить свой зад, убить, украсть, пресмыкаться, будучи рабыней, а кто-то получает все с самого рождения, не приложив совершенно никаких усилий! Просто так! Ни за что!

Убила бы тварей! Этих проклятых богачей-олигархов! Вот они и виноваты в том, что Таня готова на все ради того, чтобы выжить! Всю страну обокрали, твари! Выпили кровь из народа! Грохнуть кого-нибудь из вороватых олигархов дело святое, так что если ее для того сейчас нанимают – значит, так тому и быть!

– Вот здесь – Лена вдруг взяла руку Тани в свою ладонь, и Таня вскрикнула от неожиданной, резкой боли. Из пальца капнула кровь, но Лена успокаивающе похлопала девушку по плечу – Не бойся. Нужно будет просто поставить отпечаток на пятнышке крови. Это стандартная процедура идентификации. Потом мы с тобой пройдем в медицинский бокс, тебя полностью обследуют, возьмут образцы крови, снимут отпечаток сетчатки глаз – и все будет хорошо. Расписываться не нужно – только отпечаток. Вот так. Паспорт у тебя с собой? Давай его сюда. Мы тебе сделаем загранпаспорт, но для того нужен твой гражданский. Потом тебе его верну. Ты ведь снимаешь квартиру, так? Не возвращайся в нее. Вряд ли у тебя там есть что-то ценное, а если и есть – сто тысяч долларов перекроют твою потерю в тысячи раз. Жить будешь здесь, в этом здании – тебя отведут в твою комнату и покажут, расскажут, где ты будешь питаться. Выходить из здания нельзя, заходить к другим девушкам не возбраняется, но нежелательно.

Впрочем, из комнаты ты выйти не сможешь. По крайней мере до тех пор, пока вы все не прилетите на остров. Вылет через неделю. Все, поздравляю, Таня, ты поступила на службу в нашу корпорацию. И вот еще что – меньше расспрашивай о делах фирмы – это не приветствуется. Вот теперь все. За мной!

Лена пошла к двери, Таня оглянулась на Мастера, углубившегося в прочтении чего-то такого, что не было видно новой работнице, и едва ли не рысью побежала за то ли секретаршей, то ли заместителем Мастера, фамилии и имя которого Таня так до сих пор и не знала. Заветная карточка зажата в кулаке, теперь Таня стала богаче на сто тысяч долларов.

Вот только куда и как она их потратит? Если будет на полном обеспечении? Когда-нибудь, да... А все-таки интересно, что же тут творится?! Что за корпорация? Что производят, или продают?

Вот это приключение! Разве не о таком она мечтала, читая десятки, сотни книг, в которых герой всегда побеждает за счет своей удачливости и умения выкручиваться из безнадежных ситуаций?

И тут же честно ответила – не мечтала. Просто не могла мечтать о ТАКОМ. Мечтают о том, что может сбыться, а такое...это слишком фантастично!

Медицинский отдел не произвел никакого впечатления. Обычные мужчины и женщины в зеленых костюмах, обычные стены, закатанные в белую матовую плитку. Приборов очень много, начиная от самых простых, для осмотра глазного дна, какие стоят в аптеках торгующих очками, и заканчивая гигантским томографом – Таня видела такой по телевизору в сериале про врача-инвалида. Все светилось, тархтело, пыхтело, пищало, пахло озоном и какой-то химией, наверное – дезинфекционной жидкостью.

Тане приказали раздеться – совсем, до нитки. Она замешкалась – хоть бы какой халатик дали, или рубашку! Но Лена так на нее посмотрела, что у Тани отпала охота протестовать, хотя слова протеста просились на язык.

Впрочем, через пять минут Таня забыла, что ходит по комнатам совершенно голой – стало не до того. Ее крутили, вертели, заглядывали во все дырки, втыкали иголки в пальцы, в вену, даже до ануса добрались – и это было самое унижительное. Ладно бы хоть женщина, но когда симпатичный и молодой мужчина засовывает тебе в зад наконечник аппарата и накачивает водой – это отвратительно! Даже когда сидя на унитазе избавлялась от закачанной жидкости вместе с содержимым кишечника, этот тип не вышел из комнаты! Тупо стоял, смотрел, как она тужится, журчит, красная, как вареный рак.

И потом, когда Таня была в душе – стоял и смотрел, как она, сгорая от стыда подмывается – бессловесный и холодный, будто робот!

А может они и правда роботы?! – эта мыслишка родилась именно после постановки клизмы, и не отпускала Таню до самого позднего вечера, то есть, до окончания всех процедур. А что – инопланетяне прилетели на Землю, и собираются использовать землянок для производства монстров! Она видела такое в каком-то из ужастиков! Зачем воевать? Зачем портить экологию? Заставь земных баб рожать инопланетян! И через несколько десятков лет они заполнят всю планету!

«Киборги...они заполонили!» Таня вспомнила номер юмористов, и не удержавшись, внезапно хихикнула, и это в тот самый момент, когда один из врачей обследовал ее гениталии.

Снова покраснела – что подумает этот человек?! Он шарится в интимном месте, а пациентка хихикает? Извращенка!

Но человек ничего не подумал. Или ему было просто на все плевать. Молча закончил работу, пощелкал клавишами ноутбука и жестом пригласил Таню в соседнюю комнату.

Когда Таню отпустили из медицинского блока, Лена ждала в коридоре – такая же молчаливая, красивая и строгая, как мраморная статуя. Она и глазом не моргнула, увидев, что

Таня обнажена, и когда та возмущенно спросила, куда дели ее одежду, и с какой стати заставляют ходить нагишом, бесстрастно ответила, что теперь, до особого распоряжения, Таня так и будет ходить нагишом, всегда и везде. И что она теперь должна забыть, что такое стыд. Главное для Тани теперь верно понять и выполнить приказ господина, потому что от этого зависит не только ее материальное положение, но и сама жизнь.

Очень это не понравилось Тане. Совершенно не понравилось! Нет, не то обстоятельство, что придется ходить голышом – здесь тепло, и на курорте наверное тепло, никакого дискомфорта Таня не ощущает (если не считать стыда за изуродованную ногу). Эти вот слова: «господин», и «зависит жизнь» – вот что ей не понравилось! О чем она тут же сообщила Лене, безмятежно шагавшей впереди на своих высоченных, как ходули шпильках.

А вот результат потом ее не то что не порадовал – потряс!

Лена остановилась, как вкопанная, так, что Таня едва не врезалась ей в спину, повернувшись, и секунд пять молча смотрела в глаза претендентки на «жирную» зарплату. Их глаза были почти вровень – Лена чуть выше Тани. Если бы она была не на восьмисантиметровых шпильках, то ей пришлось бы заглядывать в танины глаза снизу. У Тани рост сто шестьдесят семь сантиметров, значит у Лены сто шестьдесят, не больше.

Удар был таким сильным, таким неожиданным, хлестким, что Таня не удержалась на ногах. Она упала на плотный коридорный ковер, зажав рукой горящую, как в огне щеку, и сквозь брызнувшие слезы смотрела на то, как Лена не медленно, и не быстро, спокойно и деловито выдернула из своей юбки узкий кожаный ремешок, подошла к лежащей на полу, сжавшийся в комок Тане и без замаха, сильно, даже не по-женски – сильно – ожгла Таню вдоль спины. Потом по ягодицам. По животу. По плечам. По ногам. Раз, два, три, десять раз!

Это было больно, ужасно больно и обидно! Удары сыпались один за другим, пока все тело не превратилось в сплошную горячую рану, и кое-где из вспухших рубцов выступила кровь. Только когда Таня уже почти потеряла сознание, Лена прекратила экзекуцию и медленно, аккуратно вдела ремешок на место, предварительно пропустив, протянув его через сжатую ладонь – видимо для того, чтобы стереть следы крови и пота, не испачкать юбку.

Таня так и лежала на полу, истерзанная, залитая слезами и с ненавистью смотрела на безмятежно улыбающуюся Лену.

– Это тебе первый урок – Лена усмехнулась, и сильно ткнула острым концом туфли в Танин зад – Вставай! Ты научишься принимать боль, как наслаждение! Этой боли будет много, столько, что в конце концов ты привыкнешь уходить в наслаждение, прячась от страданий. А еще – научишься отключать боль. Но пока – ты должна страдать. Иначе так и не поймешь, что теперь ты Никто, и звать тебя «Никак». Ты не имеешь права задавать вопросы, если я, или кто-то другой из твоих хозяев заранее не позволили тебе их задать. Ты подписала договор, кровью подписала, и теперь ты в нашей власти! Ты что думала, такие деньги платят просто так? Что ты будешь развлекаться на курорте, плескаться в бассейне, трахаться с мужиками, и ничем за это не заплатишь? Ошибаешься, детка, за все в этом мире надо платить. Иногда деньгами, иногда кровью, а иногда и самой жизнью. Душой. В твоём контракте есть условие – ты не станешь калекой, и не умрешь. Мы этого не допустим. Но если ты не будешь выполнять то, что должна – страдать ты будешь, как грешница в Аду! Ты будешь молить о пощаде, но ее не будет! Здесь нет жалости! Здесь нет гуманизма и всякой чуши, которую тебе впаривали всю твою дурацкую жизнь! Здесь есть только Господин, и его слуги, его рабы. Ты – рабыня! И чтобы это было понятно – начнем с малого. На колени! Быстро! Я сказала – быстро!

Лена снова хлестнула ладонью по лицу уже успевшую встать Таню, и та плюхнулась на четвереньки, задыхаясь от злости, мечтая только о том, чтобы доползти до мерзкой суки и впитаться зубами ей в щиколотку! Выгрызть ахиллесово сухожилие! Сделать калекой! Чтобы она никогда больше не могла надменно шествовать на своих шпильках ценою в двадцать тысяч деревянных!

– Ползи за мной. На четвереньках, как собака! Слышала, что я сказала? – Лена с размаху ударила носком туфли в бок Тани, и ту повело от боли. Что-то ощутимо хрустнуло, и Лена с улыбкой сказала:

– Наверное, ребро сломала. Ну, ничего! Заживет! У тебя их много! Зато теперь ты будешь помнить – кто здесь хозяева, и кто рабы! Мы не рабы, рабы не мы! Помнишь? Ага, вижу – помнишь. Так забудь! Рабыня! Грязная, жалкая, тупая рабыня! Ползи, и голову не поднимай! Смотри в пол!

Так-то ползти было совсем не трудно – ковер теплый, толстый, колени не уставали, но это унижение, это положение бесправного насекомого – нет, современный человек никогда не сможет понять, что такое рабство! Никогда! И никогда не сможет это принять!

– Ничего, научишься – будто услышала Лена – Это еще не боль! Вернее – не настоящая боль! Настоящую – ты испытаешь после, когда будешь готова. Сейчас ты ее не перенесешь, сдохнешь. Ну вот, мы и пришли. Голову не подымать! Смотреть в пол! Отвечать – да, моя госпожа! Или – да, мой господин! И никак иначе! Поняла?

– Да, моя госпожа – просипела Таня, подавив клокотавшую у нее в груди злобу.

– А ты крепкая... – задумчиво протянула Лена – Мне будет интересно с тобой позаниматься. Ломать нестигаемых – что может быть лучше? Через пару-тройку месяцев ты будешь как шелковая, станешь мечтать вылизать мне туфли! Будешь упрашивать об этом! Думаешь, ты первая такая? Думаешь – тут не было сильных духом? И покруче тебя были. Но все превращались в то, что нам нужно!

Таню подмывало спросить – а что это такое, «то, что им нужно», но не решилась. Ее исхлестанное тело и так горело, как в огне, новую порцию порки она бы не перенесла. И так скоро вся будет в синяках – уже начали проступать. Кожа-то нежная, «прозрачная»! Мамки нет здесь – она бы тебе показала, сука ты эдакая, как надо обращаться с дочерью! Вернее – как не надо с ней обращаться!

– Молчишь? – смехок над головой, щелчок, движение воздуха, будто открылся проход – Ты учишься. Тебе еще многому нужно научиться, прежде чем ты станешь той, кем должна стать. Подними голову! Ползи в комнату! Быстрее!

Таня посмотрела в проем открывшейся двери, неловко, осторожно переползла через небольшой порожек, чем вызвала неудовольствие и смех Госпожи, и как следствие, получила пинок в зад, от которого свалилась на бок и застыла, глядя на то, как закрывается дверь. Последними словами Лены было: *«Это твоя комната, и здесь ты будешь жить до отлета на Остров! Ешь, что найдешь, пей, что найдешь, пользуйся всем, что увидишь. Это все твое! Для тебя!»*

Оставшись одна, Таня некоторое время лежала, не решаясь подняться, вернее – не в силах подняться. За сегодняшний день она перенесла такой стресс, на нее навалилось столько новой информации, что мозг, не привыкший решать такие сложные задачи просто отказывался всю эту информацию переварить.

Закрыла глаза, откинула голову, и... уснула! Просто-таки провалилась в сон, не обращая внимания на боль в исхлестанном теле, на истерзанную переживаниями и унижением душу, выключилась, как выключается экран телефона, брошенного на стол между кружкой недопитого кофе и засохшей жопкой вчерашней кремовой «трубочки».

Сколько спала – неизвестно. Проснулась как от толчка, не понимая еще, где находится. Потянулась рукой, чтобы протереть глаза, и тут же нахлынула боль – жгло рубцы, часть из них как будто воспалились. Болел бок, болел зад, в который втыкался острый кончик туфли «секретарши». А еще – ужасно хотелось есть, и... в туалет.

Туалет нашелся в дальнем углу комнаты – огромной, светлой, красивой, так не похожей ни на дом матери, ни на квартирки, которые Таня снимала в Москве – стены, оклеенные дорогими обоями, стильная современная мебель, огромный, просто-таки безумно огромный теле-

визор, приделанный к стене на высоте роста человека. Его угольно-черный экран был странно вогнут, и Таня недоуменно помотала головой – что за хрень?! Инопланетный?! И только потом заметила на нем логотип известной корейской фирмы. Неужели такие теперь делают? Небось, огромных денег стоит! Пульт от него лежал на столе, там, где стояла здоровенная хрустальная ваза, с горкой наполненная апельсинами, виноградом различных сортов, какими-то экзотическими фруктами, о которых Таня может быть и слышала, но никогда не видела вблизи, и тем более не пробовала на вкус.

У стены, напротив телевизора, огромная кровать-«сексодром», круглая, и скорее всего поворачивающаяся вокруг оси – Таня такие видела в кино. У кровати на подголовнике сбоку кнопки – наверное, для управления процессом.

Разглядывать не было времени – мочевого пузырь властно заявил о своем существовании, и Таня рысью понеслась к двери в дальнем конце громадной комнаты-студии, совершенно справедливо полагая, что там и должен быть вожаемый туалет.

Но за дверью был еще один коридор – широкий, как комната, посреди него стояли спортивные тренажеры – много, не меньше десятка. Две двери вели из этого зала-коридора налево и направо – первая открыла глазам большую кухню, оборудованную множеством сверкающих никелевых приборов, приспособлений и механизмов, а вот вторая привела именно туда, куда надо – в ванную комнату, она же туалет.

Сделав делишки, избавившись от мешающего любопытствовать лишнего «груза», Таня осмотрелась как следует, и снова была не то что потрясена – подавлена роскошью, которая ее окружала даже в месте, в котором в общем-то главным критерием выбора служит функциональность, а не красота.

Здесь даже унитаз бы не простым фаянсовым сосудом, а прибором, напичканным электроникой. На дисплее, вделанном в бачок плыли какие-то цифры, какие-то знаки – Таня их не понимала, но вообще-то она слышала про такие унитазы, которые тут же, после окончания «процесса», сообщают хозяину о состоянии его организма в свете выделения ненужных ему шлаков-отходов.

Ванна. Это была не ванна, а чертов бассейн! Огромная, белоснежная, «украшенная» множеством переключателей – она просто пугала. Сейчас Таня предпочла бы этому чудовищному порождению японского технического гения обычную глубокую чугунную ванну с обычным смесителем, из которого льется горячая вода. Она просто боялась этого аппарата! И не знала, как с ним справиться.

После проб и ошибок, по прошествии минут пятнадцати, Таня все-таки совладала с гадостным порождением японского гения, нашла, как регулируется температура воды, открыла краны на полную, и дожидаясь, когда ванна наполнится (а это должно было случиться очень скоро – вода просто ревела, вылетая из широких отверстий кранов – пошла на кухню поискать еды. Боль болью, унижения унижениями, но жрать хотелось так, что сейчас жареного быка бы съела! Не меньше! Организм молодой, еда требует яростно, без компромиссов, так что следовало как следует заглушить это бурчание желудка и дрожание ног, ослабевших от длительной (целый день без еды!) голодовки.

Опять же – сколько у нее там высосали крови? С пол-литру, не меньше. А Таня слышала, что после отбора крови донорам обязательно дают поесть. Иначе они запросто могут и скопиться!

Холодильник – гигантский, как и все в этой квартире – был забит продуктами до самого верха. Почти все – полуфабрикатное, сунул в микроволновку, разогрел, и ешь. То, что разогреть не надо – в герметичных баночках, начиная с лечо, и заканчивая красной и черной икрой.

У Тани чуть изо рта не потекло – намазать кусочек батона маслом, сверху икры...оооо! Черную она никогда в жизни не ела, только слышала, что это хорошо и вкусно, а красную ела, и не раз – и на днях рождения, и на праздниках – на том же выпускном, где она нажралась, как

свинья и едва не потеряла девственность. Как и тысячи ее «коллег» по всей стране, ставшие женщинами в последний день их школьной «карьеры».

Кстати, тут было и вино – красное, белое, и даже шампанское. Таня в сортах не разбиралась, но по виду бутылки были очень дорогими, и скорее всего, вино в них тоже не «паленка». Она сделала себе зарубку на памяти, надо попробовать этого вина, раз представилась такая возможность.

Быстро соорудив себе бутерброды с сырокопченой колбасой, красной икрой (черную оставила на «на потом»), подхватив пакет с апельсиновым соком и высокий коктейльный стакан, Таня водрузила гору снеди на стеклянный столик, для того и предназначенный, стоявший в кухне, и быстро покатила его к ванной. Если уж есть возможность полежать в горячей воде и одновременно поесть вкусноты – так почему бы этого и не сделать? Пользуйся жизнью, пока она у тебя есть! Завтра неизвестно что будет, а сегодня – это ее ночь, ее день!

Кстати – она так и не знала, день снаружи, или ночь – окон в комнатах не было. И свет включался как по волшебству – тогда, когда Таня входила в комнату. И с этим нужно разобраться – иначе как будет спать? При свете, что ли?

Горячая вода! Оооо! А если еще и нажать одну из кнопочек, тогда из дырок начинают бить струи, массирующие несчастную избитую, исхлестанную кожу! Ну как хорошо-то!

Смолола пару бутеров с колбасой – мгновенно, как в мясорубку вбросила. Три с икрой.

Выдула сразу половину литрового пакета сока. Теперь – можно жить! А струи воды бьют в бока, в живот, в спину, в попу... Расслабуха – это не то слово! Кайф!

И уже забылось, как некоторое время назад ползла по коридору, подгоняемая жестокими пинками в зад. Вспомнила, и снова разъярилась – сучка норовила ударить побольнее, не просто в зад, а чтобы еще в копчик носком! Или в анус! Извращенка поганая!

Да кто же они такие, эти люди?! Что за корпорация?! Неужели, и правда из нее хотят сделать убийцу вроде «Никиты»?! А если так? Готова ли она ради денег убить другого человека, возможно – невинного, ничего ей не сделавшего? И никому – из хороших людей? Стоят ли эти кровавые деньги того, чтобы омыть себя в крови невинных жертв?!

И повис вопрос в воздухе, ничего не ответила себе Таня. Ей было хорошо, сладко. Перестали болеть рубцы, перестал болеть бок – горячая вода расслабила усталое девичье тело.

Заставила себя встать. Так не хотелось вылезать из ванны, но... еще больше не хотелось, чтобы ее через несколько часов вытащили из той же ванны – но только мертвую, раздутую от горячей воды, расплзающуюся, как тесто. Утонуть в ванной – плевое дело! Усни, и уже не очнешься. Нырнешь в воду, рефлекторно вдохнешь – и кранты! И никто не поможет! В квартире-то никого больше нет!

Потому – взяла с полотенцесушителя здоровенное махровое полотно, вытерлась, морщась от боли, побрела в спальню. Сдернула шелковое покрывало, отбросила одеяло – как и простыня, нежно-розового, «девчачьего» цвета, и плюхнулась навзничь, даже не озаботившись, чтобы прикрыться этим самым одеялом. Снова накрыло, как если бы в сок было подсыпано снотворное.

Проснулась сама. Никто не разбудил, никто не побеспокоил. Горели светильники на стенах, как и тогда, когда ложилась спать. Сползла с кровати, пошла в ванную комнату. Там все оставалось так, как и было – столик с остатками еды, ванна, уже не такая свежая, с засохшей мыльной пеной, брошенное на пол полотенце, которая Таня подняла и аккуратно повесила сушиться.

Рубцы болели не очень сильно, успели слегка рассосаться, и Таня вдруг подумала о том, что и вода в ванной, и воздух в квартире могут быть специальными, лечебными – ну, как и положено в квартирах инопланетян! Уж больно быстро затянулись раны!

И тут же пришла к выводу – да ни хрена подобного, какие, к черту инопланетяне? Молодой организм справляется с болезнью, с повреждениями, а еще – значит, ее рубцы были не

такими опасными, как показалось с первого взгляда. Умеет эта сучка бить – и больно, но и жизненно важные органы не задеты. Настоящая надзирательница концлагеря! Тварь!

Теперь стоит обследовать квартиру поподробнее – неужели в ней нет никакой одежды? Что это вообще за прикол такой – ходить голышом? А может ее сейчас снимают? А что – реалити-шоу такое: «Голая дура Танька ходит по квартире»? Может поискать видеокамеры? Только вот зачем их искать? Если и снимают, что это изменит? Деньги-то платят!

Кстати, а где карточка?! Со ста тысячами?! Таня аж обмерла – она как-то и не задумывалась, куда подевалась вожденная карточка! И косметичка, кстати! В ней те деньги, что забрала у Сергея Петровича! Неужели украли?!

Косметичка и карточка обнаружились на компьютерном столе, и там же – здоровенный монитор, экран которого тоже вогнут, как и у телевизора. Проверила карту – внешне, карта, как карта, ничего интересного. На имя Жанны Сидорович. Кто такая эта Жанна – думать не хотелось. Наплевать на Жанну и всех Жанн на всем белом свете! О себе надо думать. И о том, куда вляпалась.

Компьютерный блок нашелся под столом – здоровенный сундук непонятной фирмы. Нашла кнопку, ткнула – экран монитора засветился. Мышка лежала тут же, на коврике. Пароля на компьютере не было, сразу вошла в браузер, полезла искать нужный банк. Остановилась у таблицы входа – логин-пароль. Если сейчас зарегистрироваться, войти – а смысл какой? Без карты на свое имя? Она сейчас даже не может посмотреть, сколько на этой карте денег! Сто тысяч, или так, туфта одна! Но почему-то Таня была уверена, что никакой туфты нет. Точно, сто тысяч. Слишком уж все серьезно. Слишком высокий уровень.

Хотя...что она знает об уровнях? И вообще – может это маньяки какие-нибудь? Или черные трансплантологи? Разберут на органы, ищи-свищи ее потом! Но об этом нужно было думать заранее, перед тем, как лезть в это гнездо.

Только опять же, почти уверена – никакие это не трансплантологи. Не стали бы они себя так вести, если бы планировали разобрать Таню на органы. Зачем кормить, зачем предоставлять такую квартиру, даже истязать – зачем? Тюкнули по башке, и на операционный стол! И вот она уже не человек, а куча запчастей в пластиковом контейнере-холодильнике!

Брр...даже поежилась, хотя тут и не было холодно. Ужасики всякие лезут в голову! А все любопытство! Лезут дуры-девки куда не попадая, а потом плачутся!

Впрочем, особого выхода-то у нее и не было. Куда идти – в бегах, без денег, без перспектив, со своей больной ногой? Может все еще и обойдется? Ну да – унижают, бьют, так и платят же! Можно представить, что находишься в тюрьме, и по выходу из тюрьмы тебе отвалят кругленькую сумму. Пять лет – да эту пятерку на одной ноге можно отстоять, при такой-то оплате и таком содержании! Чего она парит мозги? Успокоиться надо! Сама себя накручивает!

Таня бросила мышку, уцепилась за пульт управления телевизором, пошла, и с разбегу бросилась на кровать. Шелковое белье приятно холодило спину и ягодицы, и на лице Тани вдруг сама собой появилась улыбка. Хорошо все-таки быть богатой! Ой, как хорошо! И только богачи не могут этого понять. Вот загнать бы их в какой-нибудь Краснозатрищенск, и чтобы деньги считали от зарплаты до зарплаты, тогда бы не ныли, как им плачется, как они плохо живут!

Ну вот сказать по правде, с какого хера эти управляющие государственными компаниями столько получают? Именно получают, а не зарабатывают! Зарабатывать – это стоять у прилавка с утра до утра, или баранку крутить, или канаву копать! Ну даже у компьютера сидеть. Программы всякие составлять – тоже работа! А эти сцуки просто сидят на своих местах, куда их государство поставило, и хапают в три горла! Да еще и в задницу напихивают, что в глотке не уместилось! Твари, в самом деле!

Таня вдруг разозлилась – вот поубивала бы гадов! Несправедливость – это в мире хуже всего! Ну почему вот всякие гады живут, благоденствуют, а хорошие люди прозябают в нищете,

умирают от болезней?! Должно быть какое-то наказание, обязательно должно быть! И не на том свете – на этом!

Так-то Таня не была атеисткой, скорее наоборот, но и в церкви бывала довольно редко. Ее раздражало отношение церковников к прихожанам. Например – ну на кой черт в наше время женщинам покрывать голову платком? Что, если голова не будет покрыта, Бог тебя хуже услышит? На кой черт эти средневековые штучки? Вон, за границей – в церквях и скачут-пляшут, и поют под гитару, и молнией их не пришибает! Иногда даже приходила крамольная мысль – а может Бога-то и нет? Если бы он был – как он мог допустить все эти безобразия, что творятся в мире? Убийства, войны, концлагеря опять же! Может миром вообще правит не Бог, а Сатана? И этот мир совсем не мир, а Ад?

Однако задумываться над такими слишком серьезными вещами не хотелось. Настроение начинает портиться. Да и начнешь богохульствовать – с Богом отношения испортишь. Если он есть. А если его нет – так и обсуждать факт его существования – зачем? Зачем обсуждать то, чего нет?

Включила телевизор, попала на первый канал – новости. Посмотрела, успокоилась – хорошо новости смотреть! Сразу успокаиваешься – все у нас зашибись, все процветают! Главное – не вдумываться, и за окно не смотреть.

Пошарилась по каналам – поразились, *сколько* их здесь. Тысяча? Две? Даже какие-то негритянские!

Случайно наткнулась на порнушный канал – дебелые тетки с искусственными сиськами ритмично и ненатурально стонут, облизывая член качка. Поморщилась – ну какому дебилу это нравится? В порнушке все должно быть натурально! И сиськи, и вздохи! Если бы она снималась в порнушке – сыграла бы так, чтоб мужики кончали даже не потеряв член! Чтобы возбуждись только от одного ее вида! А это что за безобразие?! Халтурщицы!

Переключилась на канал со старой комедией – «О чем говорят мужчины». Прикольная, да! Но грустно. Снимали ее еще до того, как началась эта заварушка с Украиной – все довольные, все счастливые, едят картопляники и не знают, что скоро тут все будет полыхать, а по улицам пойдут люди со свастикой. И что с людьми сделалось?! Как будто отравы какой напились! Зачем эта злоба?! Зачем война?! Ну почему им всем спокойно не живется?!

Мама говорит – это все потому, что миром управляют мужики. А они, мужики, любят воевать, и вообще – тупые. Если бы правили бабы – была бы тишь и благодать!

Ерунда, конечно. Бабы еще те злобные суки – вспомнить только ту, рыжую тварь. Жаль, что не успела ей по морде дать! Некогда было. А хорошо бы ей физиономию поганую расцарапать! Только потом сало из-под ногтей вымывать затрахнешься. И кровь.

Тоже небось приехала Москву завоевывать. Но если у Тани хоть мордашка симпатичная, то эта на что рассчитывала? Небось, проституткой работала где-нибудь на улице. Таких шалав там только и держать!

– Встать! – Таня задумалась и не услышала, как вошла Лена, а когда увидела ее перед кроватью, встрепенулась, замерла, разглядывая свою обидчицу. Вчера-то не успела как следует разглядеть, да и не старалась – на кой черт ей какая-то секретарша? А оказалось – совсем даже и не секретарша, а Госпожа!

Не очень высокая, стройная, лицо – просто-таки как из мрамора! Совершенное! И косметики не видно! Минимум! Веет породистостью, как от дорогого арабского скакуна. Тонкий запах духов, короткая юбка обнажает ноги выше колен, ноги в черных чулках – как и положено в офисе. В приличных офисах не ходят голоногими, это Таня знала наверняка. Глаза смотрят пристально, жестко, бесстрастно. Машина, а не человек! Робот!

– На колени!

Таня опомнилась, сползла с кровати, встала на колени и уперла взгляд в ковер, помня вчерашний печальный опыт. По спине пошли мурашки – будет пороть, не будет? Страшно!

На пол шлепнулся блестящий прямоугольник – банковская карта!

– Карта на твое имя. Секретная информация для банка – «Господин». Паспорт. (шлепнулся на ковер рядом с картой). Сегодня тебя посетит Мастер, ты должна быть готова. На теле не должно быть ни одного волоска – он этого не любит. Сделаешь клизму – возможно, ему захочется анального секса. А может и не захочется. Но ты должна быть готова. Сегодня ты станешь женщиной. (смешок) Настоящей женщиной! Я пришлю к тебе помощников, они готовят твоё тело к посещению Господина. Вопросы есть?

– Госпожа... – Таня едва не захлебнулась словами, горло как-то сразу пересохло – Может, я сама побреюсь? Зачем помощников?

– Это не обсуждается. Они тебя ещё и причешут, уложат...если тут есть что укладывать. (смешок) Подчиняешься им беспрекословно, что говорят, то и делаешь. Они получили инструкции и знают, что делать. Вот ещё что – если тебе нужна горячая еда, что-то вроде супа, борща и так далее – вон телефон, снимаешь трубку, звонишь, и тебе приносят все, что ты захочешь. Ещё вопросы? Вопросов нет. Свободна!

Тихий шелест шагов, и аккуратная попка Лены исчезает за дверью. Щелкнул-загудел замок, то ли санаторий, то ли тюрьма! Выйти нельзя, глаз поднять нельзя! Мдаа...

Потом только дошло – что значит – «посетит»?! Сексом с ней займется, что ли?! О черт! Даже низ живота заныл! Первый мужчина... Не так она представляла себе своего первого мужчину! Интересно, какой у него член? Большой? Маленький? Лучше бы маленький. А то как всунет, как продерет! Дырочка-то маленькая, нетренированная...порвет в клочья!

Таня встала на ноги, возбужденно заходила по комнате. Остановилась, посмотрела вниз, на лобок – да, все это нужно сбривать к чертовой матери! И на ногах уже щетина. Вроде только что брила – и опять обросла, моментально!

Вот на кой черт природа так устроила? Зачем современному человеку... женщинам – эти волосы?! Ну не от холода же укрываться, в самом-то деле! Атавизм, да. И проблемы! Мужикам-то чего – ходи себе, и почесывай всякие волосатые места. А для женщины волосатость просто ужас какая проблема! Особенно для брюнеток. Блондинкам полегче – волосы тонкие, светлые, на теле не видно, брюнетки же – чуть зазевалась, и уже похожа на снежного человека! Йети! Йети её мать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.